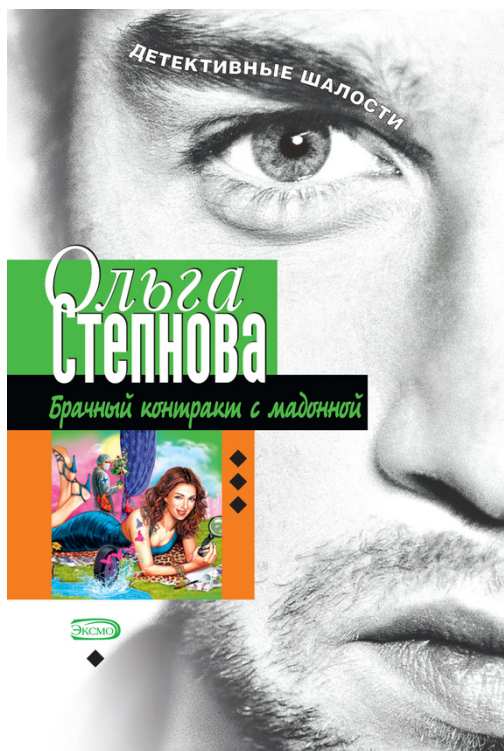

Ольга Юрьевна Степнова

Брачный контракт с мадонной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165904

Ольга Степнова. *Брачный контракт с мадонной*: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-22344-2

Аннотация

Утром Гранкин вспомнил и осознал все. Галка родила дочку, а накануне он здорово перепил с Кирюхой на радостях и забыл забрать жену из роддома. Та заявила под вечер с сопящим свертком злая, как черт. Но чтобы вот так, молча, уйти, прибрав квартиру? Ну не алкаш же он, в самом деле! И точно: в почтовом ящике оскорбленный в лучших чувствах папаша находит письмо, где ему рекомендуют отстегнуть триста пятьдесят тысяч баксов за возвращение его мадонны с младенцем. Храбрый ветеринар Гранкин, тщетно перебрав все законные способы обогащения, решается на ограбление...

Содержание

Помазок	4
Письмецо	8
Обморок	13
«У камелька»	18
«Алая зорька»	24
Ограбление	28
Визит дамы	34
Убийство №1	39
Деньги пахнут	45
Арест	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ольга Степнова

Брачный контракт с мадонной

Помазок

– Наливай! – скомандовал Гранкин Кириллу. Тот, верной пока еще рукой разлил по рюмкам остатки коньяка. Разлил ровно пополам. Гранкин удивленно присвистнул:

– Точняк! – одобрил он.

Они выпили.

– Знаешь, – продолжил Гранкин, – я, когда узнал, что девка, думал, повешусь. Seriously, я ведь ему купил уже: паровоз заводной, конструктор такой – «Сделай сам» называется, с молотком и плоскогубцами, ружье с присоской, горшок, опять же...

– Горшок, он и девке пригодится, – заметил Кирилл.

– Э-э, ты не понимаешь. Горшок – он момент эстетический. Девке горшок нужен розовых тонов. А я купил голубой. Мужской, так сказать, вариант. Разве не знаешь, девочкам положено все розового цвета, мальчикам – голубого. Так у меня даже горшок голубой. Э-эх! – Виталий сунул под стол пустую бутылку.

– Ну, ладно, я пошел, а ты готовься, встречай своих, – Кирилл встал. Гранкин немного подумал.

– Знаешь, время еще есть. Сиди, – сказал он Кириллу. Снова подумал, потер широкой ладонью короткий ежик волос и вышел из кухни. Кирилл сел.

Гранкин самозабвенно рылся в шкафу, переворачивая аккуратные штабеля тряпок. Когда искомое было найдено, он победно прошествовал на кухню и поставил перед Кириллом бутылку «Русской». Кирилл стеснительно опустил глаза и почесал в носу.

– Наливай! – скомандовал Гранкин.

Кирилл снова наполнил рюмку до краёв.

– Вообще-то, Кирюха, – сказал Виталий, опустив рюмку, – я детей терпеть не могу. Но тут ведь уже сорок отмотало. И я решил – пора. Труба зовет. Подарить потомкам свои гены. Посеять семя...

– За урожай! – Кирилл поднял рюмку.

– Ага. За Сашку!

– Какого Сашку?

– А я ту девку Сашкой назвал, чтоб хоть имя мужское было.

– А! Ну, давай!

– Давай.

Они посидели немного молча, думая каждый о своём.

– Ты не можешь себе представить, Кирюха! Вроде ничего такого особенного не делаешь, и вдруг – на тебе, родилось! Девка родилась.

– Почему не могу? Могу. У меня их три.

– Да ну? Ну-у, так у тебя девки, а у меня Сашка!

– Так ведь и Сашка девка! – Кирилл обиженно насупился.

– Да? – Гранкин вдруг заплакал. – Верно, Сашка – девка.

– Ты это, – Кирилл неуклюже погладил Виталия по голове, – ты не плачь. Девки, они, знаешь, как по хозяйству помогают?! У-у!!!!

– Наливай! – стукнул Гранкин ладонью по столу.

Разливая, Кирилл покачнулся на стуле, и немного водки выплеснулось из бутылки на стол. Гранкин укоризненно покачал головой.

– Слушай, – Виталий мечтательно закатил глаза, – а, может, они посмотрели плохо в больницу? Не может мой Сашка девкой быть!

– Может и плохо. Они, когда маленькие, не сразу разберешь...

– Да-а, медицина наука темная. Но эту ошибку я им прощаю! За гинекологов всех стран!

– За них!

– Баба, Кирюха, она ведь загадка природы.

– Загадка...

– Я на своей когда женился, она сказала – пить будешь, выгоню. И я точно знал – выгонит. И не пил. Почти. А ведь в меня до Галки чего только не вшивали. И куда только не вшивали. Не берет. Только еще больше попробовать хочется – что получится. А с Галкой не хочется, ...брр... Страшно подумать... что получится. Потом, опять же – дети. Как они, Кирюха, такие большие из такой ма-аленькой ... ды...? А, Кирюха?! Давай за баб! За ихнюю загадочность!

– За ды... – ык!

– Кирюха!

– ...гыг?

– А вот, когда женщина из роддома приходит, так?..

– М-мм?

– Ну... И долго потом нельзя с нею... с нею...

– М-мм?

– ... быть?

– Быть?

– Да.

– Долго.

– Кирюха!!! А, м-м-м, брр... За любовь! – сказал он наконец.

– ... вь! – ответил Кирилл.

* * *

Когда бутылка стала пуста, Кирилл встал.

– ... пошел... встречай своих, – зацепив ногой стул, он стал пробираться к выходу.

– Давай, Кирюх, иди. Скоро баба моя из роддома с пацаном... Забрать надо свои гены-то из больницы вместе с бабой. Мои гены! Должно встретить достойно!

– ... девка же! – пьяно удивился Кирилл.

– Какая девка? – Виталий, сжав кулаки, стал угрожающе наступать на Кирилла. Кирилл отступил. – Какая девка? Пацан! Сашка! Четыре кг, пятьдесят семь сантиметров! Девка...

– Ну ладно, ладно. Пацан, – Кирилл стал дергать дверь, она не поддавалась.

– Пьяный ты, – сказал Гранкин, открывая дверь в другом направлении, – я тебя провожу.

Такси их объезжали. Наконец остановился частник на дребезжащей «Волге» – пенсионер в шляпе и очках.

– Батя, – Виталий открыл переднюю дверь «Волги», – довези благородного человека до дома. У него родился ма-аленький младенец, видишь как он рад!

Кирилл что-то замычал.

– Куда ему? – спросил пенсионер.

– Тебе куда? – повернулся Гранкин к Кириллу.

– К Наташке.

– К Наташке его, – Гранкин впихнул Кирилла в машину, захлопнул дверь и пошел домой, балансируя и напевая:

*"А я ясные дни оставляю себе,
А я хмурые дни возвращаю судьбе..."*

* * *

Душа у Гранкина пела. Он ходил по квартире, прикидывая, какие изменения надо внести, чтобы начать новую, счастливую жизнь с Галкой и Сашкой, которых утром заберет из больницы.

Диван он передернул на середину комнаты и расправил его. Галка должна быть теперь в центре. В центре комнаты. В центре вселенной. Царица. Мадонна.

За диваном оказалось много всякой всячины: конфетные обертки, старые газеты и огромные хлопья пыли. Они прицепились к тапкам и штанам Виталия, он пришлепывал их рукой, отгоняя. Немного подумав, он поставил под диван голубой горшок. «Для удобства» – решил он. Шифоньер был открыт, и из него торчали развороченные тряпки.

Гранкин охапками сбросил их на пол. «Поглажу! – подумал он, – Все поглажу! Чтоб чистота и стерильность!»

Он принес из коридора гладильную доску, включил утюг. «Галка водой брызгала», – вспомнил Виталий и пошел на кухню.

На кухне, среди груды немытой посуды и бутылок он с трудом отыскал стакан. Оглянувшись, застыл на месте. Затем стал по очереди открывать все шкафы и вываливать посуду, пакеты, банки, бутылки. «Перемою! Все перемою!» Его взгляд задержался на стене. Стена была грязно-желтого цвета, в подтеках, слегка облупленная. «Покрасить!» – скомандовал себе Гранкин и ринулся на поиски краски.

Краску он нашел быстро, развел ее. Она получилась чистого небесного цвета. «Под мальчика», – остался довольным Гранкин и отправился на поиски кисти.

Кисти нигде не было. Он перерыл все шкафы в коридоре, все тумбочки, полез на антресоли, с трудом удерживая равновесие на табуретке. Кисти не оказалось и там. Гранкин очень расстроился. Творческие планы рушились. Он пошел в ванную, перевернул там все возможное, хотел и ванну, но она оказалась тяжелой. Гранкин всхлипнул. Мадонна в облупленной кухне – такого сюжета он допустить не мог. Он повертел в руках зубную щетку, уже было пошел с ней, но тут на глаза его попался... помазок! Тот, которым он каждое утро мылил свою физиономию, предвкушая ощущение свежести и легкости после бритья. Помазок был пушистый и толстый. Гранкин взял его двумя пальцами и громко чмокнул в длинный густой ворс.

* * *

Гранкин красил. Красил самозабвенно и со лба его струился пот. Помазок не подводил – краска ложилась ровно, и кухня засветилась ярким голубым пятном. «Сашке моему презент», – радостно думал Гранкин. Наконец он устал. «Пойду отдохну немного», – решил Гранкин, пошел в комнату, улегся на диван и сразу провалился в сон.

Проснулся он от звонка в дверь. Открыв, Виталий увидел на пороге Галю с каким-то свертком в руках. Лицо ее не предвещало ничего хорошего.

– Галя... – попытался как можно нежнее сказать Гранкин.

Галя зашла в квартиру.

– Ирод! – закричала она, – Ирод паршивый! Гроб тебя исправит!

Сверток лежал на диване. Гранкин понуро сидел на стуле. Галя выдернула из розетки шнур от утюга.

– Я с радости, Гал, – начал Виталий.

– Что это? Это что? – она вонзала в пространство помазок в голубой краске.

– Презент...

– Вон! Вон из дома! – Галя принесла чемодан и швырнула его к ногам Гранкина. Чемодан раскрылся. Гранкин встал, посмотрел на чемодан, потом на разбросанные кругом вещи. Нашел свою майку, рубашку, носки, пиджак надел на себя.

– Вот это еще, – Галя принесла из кухни пустые бутылки и засунула их в чемодан.

Гранкин вышел из дома. Он потоптался на месте, прикидывая, в какую сторону податься. Порылся в кошельке, там лежало две сотни и звенела мелочь. «Помазок! – вдруг вспомнил он, – Помазок забыл!» Он кинулся домой.

Дверь была не заперта. Гранкин прошел в комнату. Там, среди ужасающего беспорядка, у дивана, стояла Галя и смотрела на развернутый сверток. Красный сморщенный младенец сучил ногами. Под ним желтело большое пятно. Галя тихо плакала, утирая большими руками слезы, чтобы они не капали на младенца.

– Вот, – сказал Гранкин. – Помазок забыл.

Галя молчала.

– Гал, а где у нее талия?

– Чего-о-о?! – Галя свирепо обернулась.

– Так девка же... – Виталий в счастливой улыбке растянул рот до ушей.

– Ирод, – вздохнула Галя. – Давай пеленки.

Письмецо

Утро долбануло по мозгам электронным звонком будильника.

Хотелось чего угодно, только не идти на работу.

«Да ну её, к лешему, эту работу!» – подумал Гранкин и попытался на тумбочке нашарить будильник, чтобы оборвать его монотонное пение. Он сбил последовательно на пол стакан с водой, справочник «Болезни собак», и даже таблетки от похмелья, которые держал под рукой, но будильник так и не обнаружил.

«Да ну её к лешему», – снова подумал Гранкин и попытался заснуть под противное пиканье. Но тем и отличаются электронные звоночки, что долго и нудно высверливают брешь в помутнённом сознании, заставляя проснуться.

– Да ну её к лешему, – вслух пробормотал Гранкин, сел на кровати и по-собачьи встряхнулся. – Бр-р-р!

– Пик-пик, – словно дразнясь, ответил будильник.

– Ну, погоди, – пригрозил ему Гранкин, встал и начал основательные поиски. Он осмотрел в комнате всё – полки, стол, табуретку, тумбочку, шкаф, но будильника не нашёл.

«Пик-пик» был, а будильника не было.

– Ну, ёлы-палы, – возмутился Виталий, раздвинул шторы и проверил подоконник. Электронный мерзавец не обнаружился.

Гранкин встал на карачки и пополз по полу, заглядывая под тумбочку, шкаф, кровать...

– Пик-пик, – дразнила электронная сволочь.

– Галка! – крикнул Виталия, но тут же зажал себе рот рукой.

Наверняка это Галка спрятала будильник подальше от Гранкина, она не разделяла его утреннего мнения, что «ну её к лешему, эту работу».

– Счас, счас, – подбодрил себя Гранкин, – найду этого гада, загашу его пяткой по механизму и лягу баиньки. Ну её... не помрут без меня кошечки-собачки, хомячки-удавчики, не окочурятся... Ой, блин! – Разгибаясь, он с размаху влетел головой в столешницу. – Ох! Галка! – снова заорал он и снова зажал себе рот рукой. Галке сейчас под руку лучше не попадаться.

На голове, пульсируя, набухла большая шишка, будильник по-прежнему невыносимо пищал, и Гранкину вдруг отчётливо и трезво подумалось: «Ну, какой теперь на фиг сон?!»

Как только эта мысль сформулировалась в мозгу, будильник заглох.

Гранкин поморщился, и, прихватив таблетки от похмелья, пошёл умываться.

Умывался он долго и с удовольствием. Плескал на лицо холодной водой, фыркал и весело плевался. Умывшись, Виталия решил, что, пожалуй, таблетки ему не понадобятся. Лучше побриться. Но помазка на привычном месте на полочке не оказалось.

– Галка! – на этот раз громко, внятно и с осознанием собственной правоты крикнул Гранкин. – Галка!!!

Галка, конечно, была не из тех женщин, которые бегут по первому зову. Но зов был по счёту уже третий или четвёртый и по идее, она должна была возникнуть как минимум с недовольным вопросом: «Чего ты орёшь как оглашенный?»

Но Галка не возникла с таким вопросом. Квартира хранила тишину, которую она хранила тогда, когда Гранкин ещё не был женат.

Гранкин удивлённо изучил своё отражение в забрызганном зеркале, подмигнул, пытаясь себя подбодрить, и на полусогнутых, словно нашкодивший кот, вышел из ванны. Стараясь быть ближе к земле, он бесшумно подкрался к кухне и заглянул туда, прячась за косяком.

В воздухе не пахло оладьями, Галка не толклась у плиты. Старомодный самовар не пыхтел на столе, ожидая, когда под его металлический носик подсунут большую кружку в

горошек, откроют, наконец, тугой краник, и он облегчит своё кипящее нутро. Галка с недавних пор завела моду варить в самоваре яйца. Гранкин возмущался сначала, говорил, что не желает пить чай с яичным бульоном, но Галка стукнула крепким кулаком по столу так, что звякнули чашки и ложки, да рявкнула:

– Ну, какой такой с яйцев навар?! Какой навар?! А электроэнергия экономится!

Гранкин больше спорить не стал. Он послушно доливал в заварку воду из самовара, потом вылавливал яйца, чистил их и съедал. Может, и права была Галка, ну какой навар с куриных яиц?

Но сегодня самовар молчал, он не проделывал свою важную, двойную работу. От удивления Виталий присвистнул. На кухне было идеально прибрано, а одна стена скалилась небесно-голубой недокрашенностью.

И тут Гранкин всё вспомнил.

Галка родила дочку. Сашку. Гранкин хотел пацана, но дочка тоже ничего. Вчера он здорово перепил с Кирюхой на радостях, и забыл забрать Галку из роддома. Галка заявила под вечер со свёртком, усталая, злая, как раз в тот момент, когда Гранкина осенило сделать лёгкий ремонт в квартире. Вон и помазок лежит на столе, перемазанный синей краской.

Гранкин на цыпочках подкрался к Галкиной комнате. Постучал, поскрёбся, покусил. Никакого ответа. Он толкнул дверь и увидел, что в комнате никого нет. Издевательски хорошо прибрано и никого нет!

Диван, горшок, детская кроватка, гладильная доска...

Коляски в коридоре не оказалось. Значит, Галка, встав рано утром, хорошенько убрала квартиру, подчеркнув этим ничтожество Гранкина, завела и спрятала в его комнате будильник, потом взяла ребёнка и уехала к маме.

Виталий осторожно присел на краешек дивана. Такого поворота событий он не ожидал. Кто он теперь – алиментщик? Нет, он хочет видеть этого... эту Сашку каждый день! Он хочет купать его, тискать, сюсюкать и целовать. Он даже готов смириться с несовершенством младенца, в виду отсутствия у него мужских признаков. А теперь... что?!

Мама у Галки жила в глухой-преглухой деревне. Позвонить туда было никак невозможно. Гранкин вздохнул тяжело, поскрёб затылок и признал, что, в конце концов, Галка права. Она имела полное право на него обидеться.

Нет, ну право-то она, конечно, имела, но чтобы вот так... молча, не оставив даже записки, оскорбительно чисто прибрал квартиру! Ну не последний же он алкаш!

– Галка! – рявкнул Виталий. Никогда в её присутствии он так повелительно не рявкал. – Нет Галки, – сам себе пояснил Гранкин. – И Сашки нет. Всё! Холостой я! – Он яростно пнул голубой горшок, тот попрыгал к стене со звуком и прытью теннисного мячика.

– Холостой я, – простонал Гранкин, схватился за голову и поплёлся в свою комнату собираться на работу.

На зло Галке он выпендрился: одел единственный в своём гардеробе тёмно-синий костюм в полосочку, белую рубашку, и яркий малиновый галстук. С галстуком, правда, вышла заморочка. Гранкин помучился, пытаясь его завязать, потом плюнул и оставил не завязанным, перекинув через шею, словно шарф. В какой-то передаче по ящику он видел такой прикол и остался в восторге от простого решения этой вечно неразрешимой в отсутствии жены проблемы.

Завтракать он не стал. А что есть, когда нечего есть? Оладушек нет, чая нет, варенье никто не поставил на стол в розеточке, постелив салфеточку.

На всякий случай Гранкин заглянул в самовар, но яиц там не обнаружил. Там даже воды не было. Виталий вздохнул, как собака понюхал воздух, но, уловив только запах какого-то моющего средства, развернулся и вышел из квартиры.

* * *

На площадке он вспомнил, что забыл взять солнцезащитные очки, но возвращаться не стал – верил в дурные приметы. Пытаясь весело насвистывать, Виталий стал спускаться по лестнице. В принципе, он себе нравился: вполне молодой, в малопоношенном костюме, почти непьющий, с собственным, пусть и маленьким бизнесом. И чего ещё Галке надо?!

Вспомнив про Галку, Гранкин опять приуныл. Он так ждал, когда родится ребёнок – пусть хоть и девка! – когда Галка поймёт, наконец, что он надежда и опора семьи, он – папаша!

И вот на тебе – холостой! Не сумел справиться с бурной радостью, позвал Кирюху, напился, забылся...

Он вдруг остановился, как вкопанный. Его осенила «свежая» мысль: куда его Галка не денется. Посидит у мамыши в деревне, ведра с водой потаскает, из тазика поумывается, с ребёнком без горячей воды помается и домой примчится, как миленькая. С Сашкой. Дочкой. Дочуркой.

Гранкин повеселел и вприпрыжку поскакал вниз.

Навстречу ему поднимался сосед. Виталий не знал его имени и про себя называл «барин». «Барин» откупил четыре квартиры над Гранкиным, жил на широкую ногу, дорого одевался, вкусно пах, ездил на джипе и с Гранкиным никогда не здоровался. Он и сейчас прошествовал мимо со своей собакой, брезгливо прижавшись к стенке. Собака была симпатяга, редкой и дорогущей породы керри блю терьер. Она, в отличие от хозяина, к Гранкину брезгливости не испытывала, и всё время пыталась понюхать его колени. Виталий давно профессиональным глазом заметил, что у собаки запущенный аллергический дерматит и даже порывался каждый раз сказать об этом хозяину, но в последний момент всегда тушевался и смущался, натываясь на его высокомерный взгляд. «Барин» сильно смахивал на знаменитого актёра и режиссёра, которого Гранкин не просто любил, а боготворил, и если бы не это сходство, то никакого благоговения он, пожалуй, к соседу бы не испытывал. А так его всё время посещала одна и та же мысль: а вдруг он тому режиссёру родственник? Брат, например?! И жена у «барина» красавица – дорого одевается, вкусно пахнет, ездит на другом джипе и с ним, Гранкиным, тоже никогда не здоровается.

Гранкин на «барина» не обижался – понимал, что купить четыре квартиры, ездить на джипе и так здорово пахнуть ему позволяют те качества, которыми он, Виталий, не обладал. Так чего ему с ним здороваться? Родственник великого режиссёра не обязан ручаться с простым ветеринарным врачом.

В следующий раз, когда галстук будет более консервативно повязан, Виталий обязательно соберётся с духом и скажет соседу, что у его собаки аллергический дерматит. И совершенно бесплатно, по-соседски, подскажет, как его вылечить.

Пообещав себе это, Гранкин притормозил у почтовых ящиков. В голову пришла дельная мысль, что Галка могла оставить записку, бросив её в узкую щель ящика. В дырочке и правда что-то белело. Виталий, колупнув пальцем дверцу, открыл ящик. Замка на нём отродясь не водилось, писем Виталий никогда ни от кого не получал, а ящик открывал только затем, чтобы вытряхнуть из него всякую бесплатную рекламную дребедень.

Он открыл ящик и достал белый конверт. К Галке этот конверт не мог иметь отношения: адрес и имя были выведены на принтере. Адрес был его, и фамилия его, только с пропущенной почему-то буквой «р» – Ганкину В.С. «Налоговая, наверное, или пенсионный фонд, – подумал Виталя, распечатывая письмо. – Денег хотят с бедного частного предпринимателя!»

В конверте он обнаружил листок с отпечатанным на принтере текстом. Он пробежал текст глазами, потом начал читать медленно, по слогам, шевеля беззвучно губами.

«Многоуважаемый во всех отношениях В.С.!

Мы надеемся, что Вы не очень удивились, не обнаружив утром за завтраком свою жену. Она рано встаёт и после утренней пробежки частенько заруливает к своей массажистке, ведь правда?! Так вот, много, многоуважаемый В.С., сегодня не всё так радужно. Ваша жена не вышла к завтраку по другой причине. Она похищена.

Итак, она похищена и находится у нас. Галина чувствует себя нормально, хотя и немного испугана. Конечно, она привыкла жить в более комфортных условиях. Сырое подвальное помещение без окон, скудная простая еда и тонкий матрас на полу её мало устраивают, поэтому она очень просит Вас как можно скорее поучаствовать в её несчастной судьбе.

Её жизнь и свобода обойдутся Вам всего в триста пятьдесят тысяч долларов. Для человека, имеющего стабильный, процветающий бизнес – это сушая ерунда, согласитесь?

Мы понимаем, что понадобится некоторое время, чтобы собрать такую сумму наличных, поэтому на решение этой проблемы даём Вам десять дней. Думаем, этого будет достаточно. О своём решении, в том числе, если Вам понадобится чуть больше, или наоборот, меньше времени, сообщите нам следующим образом. В старом парке на окраине города есть заброшенный, заросший травой деревянный подиум – старая танцплощадка. У подиума растёт огромное дерево, вернее, это два дерева, которые тесно переплелись между собой стволами. На высоте человеческого роста в одном из стволов находится дупло. Пожалуйста, положите сегодня после полуночи туда маленькую записку с уточнением сроков, когда Вы сможете собрать необходимую сумму. О способе передачи денег Вы получите дополнительную информацию. Советуем Вам раз в три дня навещать это дупло, чтобы быть в курсе ситуации.

Это письмо от всей души советуем Вам уничтожить – съесть или сжечь. И не дай Вам бог обратиться в правоохранительные органы! Помните, что мы знаем и видим каждый Ваш шаг, а женщины очень нежные существа, они плохо переносят отсутствие комфорта, а ещё хуже – физическую боль.

Искренне Ваши Доброжелатели».

Гранкин пощупал пальцами буквы. Особенно те, последовательно складывая которые, получалось: «Её жизнь и свобода обойдутся Вам всего в триста пятьдесят тысяч долларов. Для человека, имеющего стабильный, процветающий бизнес – это сушая ерунда...»

Понять всё это было совершенно невозможно, и Гранкин опять принялся читать текст с начала, пытаясь найти в нём хоть малейший намёк на то, что всё это шутка. Что где-нибудь внизу, мелко, карандашом приписано: «Попался?! Хохма! Кирюха». Приписки нигде не было, Виталий сел на ступеньки и снова стал перечитывать письмо.

«Надеемся, Вы не очень удивились, не обнаружив утром, за завтраком свою жену».

Неправда, Виталий очень удивился, не обнаружив утром Галку на кухне. Она действительно совершала иногда утренние «пробежки» по магазинам, и хотя Гранкин объяснял её походы деревенской привычкой рано вставать, она утверждала, что именно утром приятно делать покупки: никто не пихается у прилавков, не заглядывает в твою корзину, а у касс совсем пусто. Но к завтраку Галка всегда успевала, даже если забегала посплетничать к своей закадычной подружке массажистке Людке, которая жила в соседнем доме и принимала клиентов на дому.

«Ваша жена не вышла к завтраку по другой причине. Она похищена».

Похищена! Представить себе, как можно похитить Галку с коляской и покупками Гранкин не мог. Запихнуть в обычную машину её не удастся, понадобится грузовик. Галка крупная женщина, сильная, резкая, крутая на расправу и за словом в карман не полезет. Случись ситуация насильного её принуждения к какому-либо действию, она такой вой поднимет, что ни одна милицейская сирена её не переорёт.

И потом ребёнок. Дочка. Сашка.

Почему ни слова о ней? Где она?! Чёрт!!!

Гранкин встал, скомкал листок и сунул его в карман.

«Это письмо от всей души советуем Вам уничтожить – съесть или сжечь».

Виталий достал комок бумаги и запихал его в рот. От интенсивного жевания заломило челюсти, и заслезились глаза. Почему-то от письма исходил дух дорогой парфюмерии: когда Гранкин читал, он не почувствовал этого, а когда стал жевать, отчётливо ощутил вкус хороших духов.

Проглотить разжёванную бумагу Виталя не смог. Он сделал целых три честных попытки, но подавился, закашлялся, выплюнул комок на грязный подъездный пол и, присев на корточки, попытался поджечь слюнявый комок зажигалкой. Огонь не хотел расправляться с влажной уликой, но Гранкин проявил такое упорство, что ситуация поддалась. Бумажный уголок начал тлеть, разгораться, и письмо, наконец, послушно превратилось в чёрный остов, потом в пепел...

«Помните, мы знаем и видим каждый Ваш шаг»!

Виталий вышел из подъезда, первый раз в жизни придержав входную дверь так, чтобы она закрылась абсолютно бесшумно.

– Триста пятьдесят тысяч долларов, – вслух сказал Гранкин и резким движением тугим узлом завязал галстук на шее. Стало трудно дышать, и он ослабил малиновую удавку.

– Сушая ерунда, – прошептал он.

Обморок

Стабильный процветающий бизнес предстал перед носом Виталия обшарпанной дверью с табличкой: «Ветеринарная клиника „Тузик“. Приём ведёт врач Гранкин Виталий Сергеевич. Время работы – с 9 ч. до 19 ч. без обеда и выходных».

Замок заедал, и Гранкин подёргался, открывая его, побился о дверь. Это был традиционный утренний танец, но никогда Виталий не исполнял его с таким остервенением.

Попав, наконец, в кабинет, он ринулся к телефону. Гранкин уже подсчитал, что квартала его потянет тысяч на двадцать долларов. Ещё есть старый гараж, в нём – ржавый «Москвич» не на ходу, за всё вместе можно запросить тысячи две-три баксов. Ещё есть золотая цепочка, обручальное кольцо, микроволновка, пылесос, стиральная машина, детская кроватка, пара неновых диванов, старенький шкаф, почти новая гладильная доска. Да, и самовар! Кажется, он старинный, годов пятидесятих, чего-нибудь да стоит.

Оставалось найти каких-то там триста двадцать пять тысяч долларов.

Можно взять в банке кредит. Тысяч пятьдесят русских рублей ему, как частному предпринимателю дадут, но не больше.

Остальное... остальное нужно занять.

Он трясущимся пальцем потыкал телефонные кнопки.

– Кирюха!

– Алле, – Кирюха явно ещё не проснулся.

– Кирюха, это я, Виталя.

– А-а! Папаша! Ну, так кто у тебя всё же родился – девочка или мальчик?

– Кирюха, мне нужны деньги!

– Могу подкинуть косарь недели на две.

– Кирюха, мне нужны большие деньги!

– Что, два косаря? – удивился Кирилл. – Ну ладно, только на неделю, не больше. У меня девки в детский лагерь отдыха собрались. Эх, Виталя, лучше бы у тебя родился пацан! Ты не представляешь, что такое девки, на одних шмотках разоришься!

– Кирюха, мне нужны тысячи долларов. Чем больше, тем лучше. – Гранкину показалось, что говорит не он, потому что внутри у него бушевала истерика, а голос был спокойный, рассудительный, деловой.

На том конце трубки воцарилось молчание. Оно продолжалось ровно столько, сколько нужно похмельной голове, чтобы понять, о чём идёт речь.

– Виталя, что у тебя стряслось?! – спросил Кирилл совсем другим голосом.

– Ничего. Пока ещё ничего. – Гранкин повернул поводок жалюзи так, чтобы они открылись и впустили яркий солнечный свет. Потом он потрогал горло, развязал галстук и снова повесил его через шею как портной сантиметр.

– У меня есть заначка, – тихо сказал Кирилл. – Мы с Наташкой решили на дачу копать у воды... – он споткнулся, видимо, представив, что будет, если Наташка узнает о его предложении. – Это самые большие деньги, которые у меня есть. Три тысячи долларов. Ещё я могу взять в банке кредит, но больше пятидесяти тысяч рублей мне вряд ли дадут...

– Спасибо, Кирюха. Ты даже не представляешь, что ты для меня сделаешь. – Виталий повесил трубку и снова начал считать.

Тысяч двадцать – квартира, две-три тысячи – гараж и ржавый «Москвич», на тысячу долларов потянет барахло вместе со старинным самоваром, три тысячи даст Кирюха, и ещё примерно три тысячи наберётся, если они с Кирюхой оба возьмут кредит в банке. Итак, оставалось найти ещё каких-то триста двадцать тысяч долларов!

«Помните, женщины очень нежные существа, они плохо переносят отсутствие комфорта, а ещё хуже физическую боль».

Стало вдруг очень душно, в груди появилась саднящая боль. Гранкин одним коленом встал на подоконник и потянул на себя фрамугу. Она открылась с таким грохотом и звоном, будто сделала последний в своей жизни непосильный манёвр. Свежий утренний воздух ворвался в кабинет, но не принёс облегчения. От него закружилась голова, подкосились колени, и жалюзи рябью поплыли перед глазами. Гранкин почувствовал, что сознание делает ручкой, и он оседает на пол. В последний момент он почему-то подумал, что как только у него всё уладится, он обязательно купит в контору новый, толстый и обязательно белый линолеум. И непременно к ценам на свои услуги добавит нули.

* * *

– Эй, очнитесь! Эй, доктор, вы что, припадочный?!

Кто-то бил его по щекам, тряс за плечи. Гранкин открыл глаза и увидел над собой рыжую кудрявую девушку. Всё лицо у неё было в веснушках, а пахло от неё также замечательно, как пахли булочки, которые Галка часто пекла в выходные.

Девчонка снова похлопала Гранкина по щеке тёплой ладошкой. Виталий сел и растерянно огляделся – никогда в жизни он не плюхался в обморок.

– Извините, барышня, я тут случайно в кабинете оступился, запнулся, упал, головой ударился и отключился... – пробормотал Гранкин, с трудом поднимаясь с пола.

– Вот уж не слышала никогда, чтобы врачи в своих кабинетах запинались, падали, головой ударялись и отключались, – с невыразимым сарказмом произнесла девица и демонстративно понюхала воздух, в котором явно носились пары вчерашних гранкинских возлияний.

– С чем пожаловали? – Гранкин надел белый халат и постарался дышать в сторону. – Что беспокоит?

– Хвост.

– Что вы говорите? – Виталя тоже попытался добавить в голос сарказма, но так шикарно как у девчонки у него не получилось. – И что же у нас с хвостом?!

– Загноился. Самый кончик.

– Ай-яй-яй! Давайте посмотрим ваш хвост.

Девушка сунула руку под кофточку и достала маленького белого крысёнка. Гранкин, стараясь, чтобы не тряслись руки, осмотрел крысу.

– Ничем обрадовать вас не могу, – вздохнул он. – Нужна ампутация.

– Что?! – Девушка побледнела под своими веснушками.

– Это просто необходимо. – Гранкин побарабанил по столу пальцами, как это делал препод по хирургии в ветеринарном техникуме. – Иначе начнётся заражение крови и животное погибнет. У крыс это часто бывает с хвостами.

Девушка, вскрикнув нечто среднее между «ой» и «ах», стала медленно оседать на пол. Через секунду она лежала на том же месте, где недавно валялся Гранкин. Гранкин привстал из-за стола и с удивлением уставился на девицу. Такого в его частной ветеринарной практике ещё не было.

– Эй! – крикнул он. – Эй, очнитесь!

Девушка не шевелилась. У неё была пышная грудь, простоватое лицо и юбка в мелкий горошек, от которого рябило в глазах и слегка подташнивало. Он подошёл к ней и слегка похлопал по нежной веснушчатой щёчке.

– Эй, да это вы припадочная!

От девушки одуряюще пахло Галкиными булочками, и Гранкину опять вдруг на ум пришла страшная цифра – триста пятьдесят тысяч долларов.

Кому понадобилось это похищение?

Кого осенила бредовая мысль, что у Гранкина стабильный, процветающий бизнес?!

Он с тоской посмотрел на крысёнка, умывавшегося на столе, потом на рыжую девушку, без чувств лежащую на не слишком чистом полу.

Наверное, он чересчур сильно хлопнул её по щеке, потому что девушка испуганно открыла глаза.

– Слушайте, – возмутился Гранкин, – ну вот никогда в жизни у меня клиенты чувств не лишались! У меня тут для этого ничего не предусмотрено. Давайте, вставайте, – он подал девушке руку, помог подняться и усадил на стул. – И чего вы так разволновались? Говорю же, крысе хвост отрезать – плёвое дело, тем более самый кончик. Это же не лапа и не голова. Проживёт ваша крыса и без хвоста ещё дольше и лучше!

– Правда? – всхлипнула девушка.

– Точно вам говорю. Что я, первую крысу с гнилым хвостом вижу? Как зовут?

– Лиза.

– Да не вас, а крысу.

– Крысу и зовут Лиза. С чего вы взяли, что я тут знакомиться с вами стала! – К девушке вернулась её ершистость, и Гранкина вдруг осенило, что не надо было её так спешно реанимировать. Нужно было сначала отрезать крысе хвост, а уж потом приводить в чувство девушку.

Почему они ни слова не написали про ребёнка?

Хватит ли у Галки молока, чтобы прокормить младенца?

«Сырое подвальное помещение, скудная простая еда...»

Галка никогда не была привередой, она привычна к простому быту и трудной домашней работе, но сколько может выдержать кормящая женщина в заточении? А ребёнок?

Гранкин чуть не завыл.

«И не дай Вам бог обратиться в правоохранительные органы...»

– Ну что ж, начнём, – сдавленным голосом сказал Гранкин и встал. В конце концов, ему теперь любая копейка нужна.

Он попросил выйти девушку за дверь, чтобы она не надумала больше падать в обморок, и быстро прооперировал крысу. Он делал всё сам, так как недавно уволил помощницу, решив сократить расходы и побольше складывать денег себе в карман.

Говорила ему Галкина мать, когда он только задумал открыть свою клинику, (да какую клинику, кабинет!) – что «придут бандиты окаянные и начнут с тебя деньги требовать»! Гранкин посмеялся тогда, объяснил необразованной бабе, что «прошли те времена», а вот поди ж ты, вляпался!

А тогда он был полон радужных надежд и грандиозных планов. Наконец-то он сам себе хозяин, наконец-то у него своё любимое дело, наконец-то он перестанет сводить концы с концами, будучи наёмным работником в чужих частных клиниках.

Гранкин долго копил на это «своё дело», долго собирался с духом, и был очень горд, когда получил наконец лицензию, зарегистрировался в налоговой и получил в руки печать. Первый день он только и шлёпал на всём, что попадалось под руки: «Индивидуальный предприниматель Гранкин Виталий Сергеевич», «Индивидуальный предприниматель Гранкин Виталий Сергеевич»...

А потом он носился по городу, подыскивая помещение, которое можно арендовать. Везде было дорого, очень дорого, безумно дорого. Он уже отчаялся, понимая, что не сможет платить ни пятнадцать тысяч рублей в месяц, ни даже десять, как вдруг в последний момент забрёл почти на окраину города, где располагалась какая-то типография. Здание было старое, одноэтажное, оно странным иероглифом распласталось по земле, и Гранкин подумал, ну неужели здесь не найдётся хоть какой-нибудь комнатёнки тысяч за пять в месяц.

Директор типографии оказался душевным дядькой, он проникся проблемой и сказал, что у него самого три собаки и кошка, которой скоро рожать. Он нашёл-таки комнатёнку, маленькую, тесную, с облупленными стенами и не за пять тысяч в месяц, а за три.

– Вот, – сказал Олег Петрович Виталию, – располагайся, Айболит. Я её два года назад сдавал какому-то хмырю, тоже частному предпринимателю, но он оказался букой, ни с кем общался, непонятно чем занимался, в конце концов, задолжал за полгода и скрылся в неизвестном направлении. Так что наводи порядок и начинай работать.

Радости Гранкина не было предела. За три дня он покрасил в комнатке стены, отремонтировал свет, купил жалюзи, цветы в горшочках, завёз необходимую мебель и позвал Петровича на новоселье. Директор пришёл с беременной кошкой, которая, пока они распивали коньячок, благополучно разродилась шестью котятами «под наблюдением специалиста», как выразился Петрович.

Хорошие отношения с Петровичем постепенно переросли в дружбу, частенько подкрепляемую во внерабочее время бутылочкой коньяка или водки. Виталий часто не мог заплатить в срок арендную плату, но Петрович махал рукой, сопровождая жест всегда одной и той же фразой: «Будут деньги, отдашь».

Так Гранкин приобщился к многочисленной братии частных предпринимателей. Бизнес шёл так себе и особых денег не приносил. Желающих тащить своих домашних животных на окраину города было немного. И тогда Гранкин снизил цены на свои услуги в два раза, относительно средних по городу, о чём и сообщил в рекламных объявлениях, на которые бухнул все оставшиеся у него от ремонта комнатёнки деньги. Ручеёк клиентов потёк веселее, завелось немного денег, Гранкин смог расплатиться с долгами и даже нанял себе помощницу. Вечерние посиделки с Петровичем сократились, но не сошли на нет. Теперь обычно субботними вечерами, когда у Виталия клиентов уже не предвиделось, а типографский цех шумел, проделывая свою круглосуточную, монотонную работу, они с Петровичем распивали коньячок, сопровождая это действие уже ставшей любимой поговоркой: «Сначала фуфырик, потом сделка». Поговорка работала безотказно: наутро в понедельник к Гранкину приходила куча народа с больными котами и занемогшими собаками, а к Петровичу заявлялся заказчик, которому понадобился большой тираж этикеток.

Дела постепенно налаживались, но у них – этих дел, существовал ощутимый, ясно видимый «потолок», выше которого прыгнуть было никак нельзя. Цены на лекарства росли, налоги нужно было платить, помощница ежемесячно требовала зарплату, Галка вот-вот должна была родить...

Гранкин уволил помощницу и немного поднял цены на услуги. В конце концов, постоянными клиентами он уже обзавёлся и слава о нём, как о хорошем ветеринарном враче разнеслась по городу.

* * *

Крысёнок хорошо перенёс операцию, быстро очухался от наркоза, и первым делом решил снова хорошенько умыться.

– Заходите! – крикнул Гранкин девушке, и она зашла, снова наполнив каморку запахом свежих булочек.

– Ну, вот и всё, – сказал Гранкин. – Всего-то самый кончик отрезали! Будет у вас замечательно здоровый крыс! Кстати, вы ошиблись, это не девочка, а мальчик. Его нужно переименовать, не может пацан Лизой быть.

– Лиза! – проигнорировала девчонка его слова и щекой прижалась к крысёнку. – Ей не больно?

– Я не делаю больно животным, – отрезал Гранкин и поинтересовался:

– А что это у вас за духи такие?!

– Ванилин это, а не духи, – пояснила девушка. – Мы с бабулей сейчас на даче живём, так там мошкары тучи! Вот, ванилин водой разводим и мажемся. Ни одна мошка близко не подлетает.

– Да ну? – удивился Гранкин. – А я-то думаю, куда ванилин из магазинов подевался? Меня жена его часто просит купить, а нету.

– У вас, наверное, нет дачи, – даже это девица умудрилась сказать язвительно.

– Да. Дачи у меня нет, – согласился Гранкин.

– Сколько с меня? – спросила девица, открыв кошелек.

За подобную операцию Гранкин брал четыреста рублей.

– Тысяча, – не моргнув, сообщил он. – Операция стоит тысячу рублей.

Девушка вылупила глаза, и Виталию показалось, что они у неё такие же рыжие как веснушки.

– Мне рекомендовали вас как хорошего недорогого врача, – растерянно сказала она.

– Я и есть хороший и недорогой врач, – пряча глаза, парировал Гранкин.

– От вас, наверное, ушла жена, – прошипела девица, и глаза её превратились в щелочки.

– С чего вы взяли? – ошарашено спросил Виталий.

– А у вас галстук незавязанный верёвкой висит! Вам алименты, наверное, платить надо, вот вы цены и задрали! Да?!

Всё-таки несносная это была девица. Абсолютно несносная. Достанется же кому-то такая в жёны! Гранкин решил проявить твёрдость и выбил на кассовом аппарате чек в тысячу рублей.

– Вот, – протянул он его девице. – И передайте тем, кто меня рекомендовал, что хорошие врачи дешёвыми не бывают. И ещё – галстуки сейчас именно так и носят, вы отстали от жизни на своей даче со своей бабушкой и мошкаррой, а жена от меня никогда никуда не уйдёт! Здоровья вам и вашему крысу Лизе. Вот здесь я написал, как ухаживать за хвостом.

Из узких щелочек глаза девушки опять превратились в две большие веснушки, она покорно отдала тысячу рублей, поцеловала в нос свою крысу и ушла, с почтительной осторожностью прикрыв дверь.

– Вот так-то! – сказал Гранкин самому себе и ещё кому-то, кто, как ему казалось, за ним наблюдал. Он похлопал ладонью по тысяче с ощущением маленькой победы.

«Мы понимаем, что понадобится некоторое время, чтобы собрать такую сумму наличных денег, поэтому на решение этой проблемы даём Вам десять дней».

Десять дней!

Может, всё-таки обратиться в милицию?! Что в таких случаях нужно делать? Писать заявление? Звонить?

«Лю-ди! – провыл про себя отчаянно Гранкин. – Что делать? Что?!»

Десять дней и суцая ерунда – триста пятьдесят тысяч долларов! Да он квартиру за это время не успеет продать!

Нет, конечно же, он не пойдёт ни в какую милицию.

Он добудет деньги, чего бы это ему ни стоило.

«У камелька»

За день он принял двенадцать клиентов. Провёл три операции, поставил шесть прививок и три капельницы. К концу рабочего дня пачка денег на столе заметно припухла. У клиентов сегодня округлялись глаза, когда он озвучивал свои новые цены, но Виталя уже освоился с имиджем дорогого врача и даже язвительно приговаривал: «Дёшево только людей в поликлиниках лечат!» Народ послушно раскошеливался и обещал обязательно появиться ещё раз для повторной консультации.

Гранкин пересчитал купюры – десять тысяч пятьсот восемьдесят рублей. В любой другой день он пришёл бы в восторг от такой выручки и даже устроил бы себе на следующий день выходной – сгонял на озеро на рыбалочку, – если бы не новые обстоятельства.

От этих «новых обстоятельств» хотелось соорудить из малинового галстука петлю, и повесится прямо здесь, на рабочем месте. Виталий попытался перевести заработанные рубли в баксы, но не смог – не знал точного курса.

Оставалось дожидаться двенадцати часов ночи, написать записку, в которой упротить похитителей дать ему чуть больше времени на поиски денег, а также вымолить снисхождения к кормящей матери и получше её кормить. Потом предстояло добраться до старого парка, отыскать там заброшенную танцплощадку, два переплетённых между собою дерева и опустить в дупло записку.

Странный способ общения выбрали похитители. Насколько Виталя знал, те, кто промышлял этим гнусным делом, всегда звонили по телефону, а не посылали писульки, пусть и выведенные на принтере. Почему на вкус послание отдавало изысканными духами?! Почему это случилось именно с ним, бедным ветеринарным врачом, недельный доход которого не составлял и трёх тысяч рублей?! Они даже фамилию его переврали – Гранкин! Дилетанты! Глупые, напыщенные уроды!

«Многоуважаемый во всех отношениях В.С.!»

Он мог без запинки повторить текст письма.

«Искренне ваши Доброжелатели».

Сколько их – двое, трое, четверо? Может, подкараулить одного их них у дупла, оглушить дубиной, взять в заложники, а потом обменять на Галку с младенцем? Гранкин сильно сжал виски пальцами. За весь день он не съел ни крошки, хотя обычно всегда обедал в типографской столовой.

Виски заломило, пальцы тоже заломило, всё тело заболело, засвербило в носу, глаза стало резать, и слёзы вдруг полились ручьём. Так полились, что деньги на столе намокли. Виталий вдруг понял, что это был правильный и единственно верный выход – заплакать. Что это нужно было сделать сразу, как только он понял, что произошло, и тогда бы он не грохнулся в обморок, и сердце бы так не саднило, и голова бы работала лучше, и он придумал бы что-нибудь пооригинальнее, чем продавать квартиру, занимать у друзей и задира́ть цены на свои услуги. Он придумал бы что-нибудь получше – например, грабануть инкассаторскую машину.

В дверь осторожно постучали.

– Приём закончен! – крикнул Виталий сорвавшимся голосом, но дверь приоткрылась и в щель просунулась голова Петровича.

– Добрый доктор Айболит допоздна у нас сидит, – сдохмил Петрович. Он всегда плоско, но от души шутил. – А как насчёт «по маленькой»?!

– Никак, – пробормотал Гранкин и быстро, сначала кулаками, потом подолом халата, утёр лицо от слёз. Но от Петровича было трудно что-нибудь скрыть. Он носил очки с толстыми линзами в роговой оправе и очень гордился тем, что всё всегда замечает.

– Э-э-э! – протянул Петрович. – Ты что здесь, лук шинкуешь? – опять пошутил он. – Кролика на операции зарезал? Птичку жалко? Сопли, слёзы, ты чего?..

Петрович пошёл на Виталия, широко раскинув руки, округлив под очками глаза и, всем своим видом демонстрируя глубочайшее изумление.

– Петрович, я больше... того, не пью, – шмыгнул носом Гранкин. Он встал, снял халат и, скомкав его, основательно вытер им лицо, словно гигантским носовым платком.

– Да ну?! – ещё больше удивился Петрович. – Совсем?

– Совсем, – Гранкин отбросил халат на дерматиновую кушетку.

– Язва? Сердце? Камни в почках?! – ужаснулся Петрович.

– Нет.

– Рак?! – Петрович со всего маха плюхнулся на смятый халат.

– Типун тебе на твоё помело!

– Подшился? – не уgomонился Петрович.

– Петрович, мне нужны деньги, – Гранкин сел рядом с ним на кушетку, поймал во объятия свою всклокоченную голову и стал раскачиваться из стороны в сторону.

– О, делов-то! – хохотнул Петрович. – На! – Он вытащил из-за пазухи смятую тысячную купюру и сунул её Виталию в карман брюк. – Отдашь, когда будут. Давай по маленькой! Мне сегодня шикарный заказчик позвонил! Шикарный! Нужно обмыть, а то не дай бог, заказ сорвётся. Сначала фуфырик – потом сделка!

– Не, – Гранкин сунул смятую тысячу ему обратно за пазуху. – Мне, Петрович, нужно много денег!

– Много?!

– Да, много.

– Ну ладно, – вздохнул Петрович и стал, как фокусник, вытаскивать из карманов и выкладывать на диван мятые-пермятые купюры. Были там и доллары, и рубли, и даже, кажется, евро. Все деньги, несмотря на разность их достоинств, выглядели одинаковыми смятыми комочками и вместе образовали на кушетке довольно внушительную неопрятную кучку. – Бери, – кивнул на кучку Петрович и пододвинул её поближе к Гранкину. – Деньги – мусор. Вот до тебя тут хмырь сидел, так он никогда бы ко мне за помощью не обратился. Потому что брезговал он со мной по маленькой...

Гранкин посмотрел на купюры.

Триста пятьдесят тысяч долларов!

Сколько не собирай по крупницам, эта чёртова сумма не уменьшается. Ну возьмёт он эту кучу, ну продаст квартиру и барахло, ну возьмёт кредит и заберёт последние деньги у Кирюхи, отложенные на покупку дачи, что останется?! Триста тысяч вместо трехсот пятидесяти?

– Не, Петрович, – простонал Гранкин. – Меня это не спасёт. Не спасёт меня это! – он опять ощутил жжение в горле, слёзы хлынули сами собой, будто кто-то внутри открыл краник, и Гранкин не мог оказать на этот процесс никакого влияния.

– Ну и дела! – Петрович звонко хлопнул себя по коленкам. – На тебя, что, наехали? Так давай помогу! Есть у меня ... знакомая бригада. Деньги из моих должников выколачивает! Если я попрошу, они и твоим вопросом займутся.

– Нет! – заорал Гранкин. – Только не это, не надо бригады! Надо триста пятьдесят тысяч долларов!

Петрович присвистнул, почесал затылок и развёл руками:

– Деньги – мусор, но столько у меня нет! Да и зачем тебе столько?!

– Сказать не могу, не спрашивай. Вопрос жизни и смерти.

– Ну, если жизни... Слушай, давай по маленькой! Такие вопросы на сухую не решают. Виталий пожал плечами. Он совершенно не знал, как решают такие вопросы.

* * *

Пивнушка называлась «У камелька». Было в этом названии что-то милое, уютное, трогательное и музыкальное. Вспоминалось о доме, тапочках, жене в халате, невынесенном мусорном ведре, семейном ужине и Петре Ильиче Чайковском¹. Правда, после первой кружки отличного, бочкового пива мысли эти бесследно испарялись. Закуска здесь тоже была отличная, а при желании можно было заказать и водку.

– Слушай сюда, – сказал Петрович Виталию, когда она уселись за столиком. Это был их первый поход в подобное заведение. Гранкин заказал большую кружку пива и пиццу, а Петрович графин водки и бутерброды с икрой. – Слушай, я уж не знаю, во что ты там вляпался, но море выпитых вместе крепких напитков не позволяет мне остаться равнодушным к твоей судьбе. Всю сумму я тебе, конечно, не организую, но кое-чем помочь смогу. Я тут новые печатные станки собрался покупать, да денег всё не хватало. А тут... индус на мою голову свалился, Сандипом зовут. Богатый, как падишах! Он решил у нас в России бизнес делать. Ему из Индии презервативы очень дешёвые без упаковки гонят, а он тут упаковку штампует, изделия заворачивает и по аптекам рассовывает. У них там в Индии типографские услуги – жутко дорогая вещь, зато презервативы копеечные. Вот он и хочет наладить тут такое прибыльное дело. Его товар самый ходовой в аптеках, потому что самый дешёвый, его оптовики тоннами хватают. Тиражи упаковки ему нужны бешеные! И он, представляешь, хочет со мной сработать! А ещё он собирается у меня печатать огромные, миллионные тиражи игральные карты. У него они какие-то особенные – очень оригинальный дизайн! В общем, на днях он мне должен предоплату внести, так я тебе тысяч тридцать долларов отстегнуть могу. Не буду пока станки покупать. Мои шалопаи-печатники пока на старых потрудятся, они и на них чудеса вытворяют!

– Спасибо, Петрович, – промямлил Гранкин, отхлебнул пива и подсчитал: минус тридцать, значит надо нарыть ещё двести семьдесят тысяч долларов.

Пиво показалось омерзительным, а пицца отвратительной. – Спасибо, Петрович. Я отдам тебе эти деньги, не сразу... но отдам! Заработаю...

– Ладно, – махнул Петрович рукой. – Деньги – мусор, главное – дружба. Давай по маленькой!

Они чокнулись, Гранкин огромной кружкой, Петрович маленькой стопочкой.

– Может, всё-таки скажешь, что у тебя стряслось?!

– Не могу, – замотал головой Виталия, словно лошадь, пытающаяся скинуть поводья. – Не могу, Петрович! Потом... как-нибудь.

– Ну ладно, давай о нейтральном. Жена у тебя родила?

Кранчик внутри опять кто-то открыл, и слёзы хлынули прямо в пиво, пробивая в плотной пене ошутимую брешь.

– Родила, – кивнул Гранкин.

– Э-э-э, худо дело, – Петрович забрал у него кружку и поставил её на стол. – Что, ребёнок урод?!!

– Какой урод?! – заорал Гранкин. – Какой урод?! Девка, красавица, Сашка! Талия осиная! Все четыре кило и рост как у манекенщицы – пятьдесят восемь сантиметров!!! Сам ты урод!!! – Гранкин беззвучно и судорожно зарыдал, уткнувшись носом в сложенные лодочкой ладони. – Триста пятьдесят тысяч долларов! – прошептал он. – Триста пятьдесят!

– Этому пива больше не наливать, – приказал Петрович подбежавшему официанту и тот деликатно, словно скользя на коньках, отъехал к соседним столикам. Петрович нака-

¹ Имеется в виду пьеса П.И. Чайковского из цикла «Времена года» – Январь. «У камелька».

пал из графина водки в столовую ложку, подсел поближе к Виталию и стал спаивать её как ребёнку, приговаривая:

– Давай, давай, за папу, за маму, за сестричку, за котика, за пёсика, за птичку, за девку Сашку-манекенщицу, за уроды Петровича, за индуса-падишаха, за...

Внутри у Виталия потеплело, отошло, краник закрылся, горло перестало першить, глаза резать, ситуация показалось смешной.

Ха! Всего-то триста пятьдесят тысяч долларов! У него куча верных друзей! Они займут ему денег и никогда не поторопят с отдачей! Недостаточную сумму он тоже займёт. У кого? Да у «барина», у соседа! У него денег куры не клюют! Виталия вылечит ему собаку и займёт. А коли отдавать будет нечем, то просто грохнет этого соседа – так, кажется, поступают с теми, кому много должен.

– Ха! – сказал Гранкин весело и хлопнул себя ладонью по лбу. – Ха-ха!

– Уже лучше. Уже гораздо лучше! – похвалил его Петрович, погладил по голове и налил в ложечку ещё водочки. – За «ха-ха»! Дай, я тебе галстук нормально завяжу, а то ходишь как Дмитрий Нагиев по программе «Окна».

Внутри у Гранкина стало ещё теплее, ещё лучше. Захотелось плясать и спать одновременно. Он даже топнул ногой и хлопнул в ладоши, но глаза закрылись, Виталия провалился в сон, успев пристроить прозрачно-лёгкую голову на сцепленные на столе руки.

Когда он очнулся, Петровича рядом не было. Графинчик водки был пуст, закуска съедена, на спинке стула висел пиджак Петровича, но самого его нигде не было видно.

– Эй, Петрович! – позвал Гранкин и заглянул под стол. – Ты мне баксы обещал! – Под столом валялись только скомканные салфетки и пепел, Петровича там не было. Судя по количеству ног, просматриваемых в перспективе за другими столиками, народу в зале было немного. Три ноги – три человека, подсчитал Гранкин. Нет, полтора. В поисках правды, Гранкин разогнулся и подсчитал количество голов. Четыре. Он снова нырнул под стол и пересчитал ноги – три. Разогнулся, пересчитал головы – четыре. Снова полез под стол – три ноги. Стало так обидно, что захотелось в туалет. Хватаясь за столики, он пошёл искать дверь с буквой «М».

У писсуаров никого не было, но Гранкин никогда ими не пользовался, когда не был уверен в координации своих движений. Он по стеночке дошёл до кабинки и тихо, как мышка, нырнул в первую же свободную.

– Будет лучше, если ты расплатишься сразу, – услышал он вдруг голос Петровича. Покрутив головой, Гранкин понял, что голос несётся из соседней кабинки. Он хотел крикнуть: «Петрович, я здесь!», но не успел.

– Да, там получается не такая уж и большая сумма, – совсем рядом сказал Петрович. – Если притащишь всё чёрным налом, то за всё про всё прошу двести тысяч зелёных. Скидка хорошая, мне станки нужно новые покупать, потому и стопроцентная предоплата понадобилась!

«Двести тысяч зелёных!» – Гранкин прикусил губу и припал ухом к тонкой перегородке. Петрович говорил тихо, но Витале казалось, что слух у него усилился в несколько раз, что не уши у него, а локаторы, которые ловят каждое колебание воздуха.

– Ну что? Согласен?! Тогда слушай меня внимательно, Сандип!

«Сандип! Индус, богатый, как падишах!» – вспомнил Гранкин. – Делает в России бизнес на презервативах и игральные карты!»

Мозги вдруг прояснились. Хмель как рукой сняло.

– Значит завтра вечером, часиков в одиннадцать подгребайся ко мне с бабульками в кабинет. В типографии уже никого не будет, только рабочие, но они в цеху. Да, давай! Что значит все твои бабульки в Индии? Ты же сказал, что ты согласен?! Тьфу! Бабульки – это деньги, а подгребайся, значит, подъезжай! Усёк? Да нет, «усёк» – это значит, понял ли ты, что

завтра вечером, в двенадцать ночи, я жду тебя в своём кабинете со всей суммой наличных?! Припаркуешься у чёрного входа, где кустарник густой растёт. Машину там где-нибудь брось, не хочу афишировать нашу встречу. Усёк? В смысле, понял?!

«Двести тысяч зелёных!» Гранкин сильно сжал руками голову, чтобы крамольная, преступная мысль перестала оформляться в пьяном мозгу. Но всё же она оформилась и выглядела примерно так. Вечером в типографии никого нет, кроме пяти-шести рабочих, которые катают срочные заказы. Но они находятся в цеху, где очень сильно шумят станки и ничего не слышно, даже если орать друг другу в ухо. Здание типографии никто не охраняет, кроме двух безобидных дворняжек, которым скармливают объедки из столовой. Объедков так много, что собаки сильно разжирели и пребывают в вечно благостном расположении духа. Петрович, человек по натуре не жадный, почему-то решил сэкономить на охране. «Толку от этих дармоедов!» – заявил он и уволил даже дедушку-сторожа, оправдывая это тем, что в цеху всё равно круглые сутки толкутся рабочие.

Если Сандип подъедет с чёрного входа, припаркует машину в тени густого кустарника, то...

На голову нужно натянуть чёрный чулок, в руку взять детский пистолет и внезапно выскочить из кустов. Индус вряд ли будет кричать и сопротивляться, скорее всего, он молча отдаст деньги.

Судя по звукам за тонкой перегородкой, Петрович стал использовать туалет по прямому назначению. Гранкин, забыв о своей нужде, на цыпочках выскользнул из кабинки и пошёл за столик.

Когда Петрович вернулся, Виталий с видом примерного ученика пил минералку.

– О! – удивился Петрович, и тут же «пошутил»: – Да ты молодец-огурец! Проспался, оклемался, посвежел, повеселел! Ну, что я говорил? Всё будет зашибись! Продолжим банкет?

– Не, Петрович, ты оставайся, а мне пора, – Гранкин посмотрел на часы. До полуночи оставался час и двадцать минут.

* * *

Дома, взяв ручку и лист бумаги, он понял, что понятия не имеет, как обратиться к похитителям.

Господа? Товарищи? Друзья? Мерзавцы?

Нет, не мерзавцы, конечно. У Виталия мурашки по коже пошли при мысли как они могут отыгаться на Галке с младенцем за «мерзавцев».

«Уважаемые!» – написал он и снова задумался. Что дальше? «Я не располагаю всей суммой наличных, но, думаю, что в течение десяти дней её соберу». Нет, слово «думаю» лучше не употреблять.

«Я обязательно выдам вам всю сумму выкупа через десять дней!» – написал он и почувствовал, что вспотел. А вдруг он не сможет быстро продать квартиру? Вдруг ограбление не удастся? Вдруг его убьют или посадят? Нет, права на ошибку у него нет. Он сделает это – ограбит индуса. И даже думать не будет о морально-нравственной подоплёке этого дела – ведь на другой чаше весов жизнь Галки и Сашки.

«Я обязательно выдам вам всю сумму выкупа, – жирно обвёл он слова и дописал: – Умоляю, кормите Галку получше, ведь она же кормящая мать!» Подумав, он приписал: «С уважением, Гранкин В.С.»

Приписка показалась глупой, но что ещё было писать: «Ваш Гранкин»?

Всё-таки, странные они были ребята, эти похитители. Где это видано: общаться записочками через дупло? И потом, кому могла прийти бредовая мысль похитить женщину с

новорождённым ребёнком? Это хлопотно, шумно и неудобно. Как они умудрились украсть Галку вместе с коляской?! Ни на один вопрос Гранкин не смог найти более-менее подходящий ответ.

Он сложил лист пополам и вложил в продолговатый конверт. Заклеивать или не заклеивать? Он жутко боялся допустить какую-нибудь ошибку и разозлить похитителей. Конверт он всё же заклеил, облизав его край языком.

В старом парке оказалось темно, безлюдно и страшно. Гранкин проплутал с полчаса в поисках заброшенной танцплощадки и уже подумал, что не смог выполнить условие похитителей – положить письмо ровно в полночь, как вдруг наткнулся на это странное дерево. Два ствола так тесно переплелись между собой, что казалось – это одно огромное дерево с большой, раскидистой кроной. Виталий пошарил по стволам на высоте своего роста и действительно обнаружил дупло – тухлявое, узкое и тёплое внутри. Он быстро сунул туда конверт и длинными прыжками, как заяц, помчался прочь от страшного места, путаясь ногами в высокой траве.

Никакой танцплощадки он там так и не заметил, и всю ночь промучился мыслью: то ли это было дупло, то ли дерево? Чувствуя себя самым несчастным человеком на свете, он забылся тяжёлым сном только под утро.

«Алая зорька»

Это было невероятно, но утром Гранкина опять разбудил будильник. Виталий точно помнил, что так и не нашёл его вчерашним проклятым утром, но ведь чтобы будильник зазвонил, его надо как минимум завести. Электронный звонок пиликал откуда-то сверху, и было полное ощущение, что это высшие силы сигналият Витале: «Вставай!»

Кто заводит будильник?

Откуда несётся назойливый звук?

Кто затеял с ним невероятную, страшную, плохую игру?!

«Помните, мы знаем и видим каждый ваш шаг...»

Виталий встал, протёр руками глаза и поплёлся на кухню. Будильник искать он не стал. И умываться тоже не стал.

Он не ел уже сутки, если не считать вчерашнего пива и водки, и с этим фактом нужно было как-то считаться. «А то ноги протянешь», – попытался убедить себя Гранкин. Он налил в самовар воды, ткнул шнур в розетку, отыскал в холодильнике три яйца, и когда вода закипела, опустил их в самовар. Галка всегда засекала время, когда яйца варились, но Гранкин решил, что просто досчитает до сорока. На десяти он сбился, начал сначала, но снова запутался. Тогда он отключил самовар, налил себе в чашку заварку и открыл краник, чтобы долить кипятка.

Бредовое решение, принятое вчера с пьяных глаз, оформилось в решимость и абсолютную уверенность в собственной правоте. Сегодня вечером он будет грабить индуса. Индус не обеднеет, а он спасёт Галку и малыша. Остальные деньги он тоже как-нибудь соберёт, например, по-соседски займёт у «барина». Идея, конечно, бредовая, но другой у него нет.

Конечно, он понимал, что, грабя индуса, он обкрадывает Петровича: ведь эти деньги – полная предоплата за шикарный заказ, который Петрович нарыл и был страшно горд этим. Наверняка за этим заказом охотились все типографии города, но Петрович смог убедить Сандипа сработать именно с ним, дал хорошие скидки, пообещал короткие сроки. И ведь именно с этих денег Петрович щедро пообещал отвалить Гранкину тридцать тысяч! Но что такое эти несчастные тридцать тысяч? Виталию они не спасут. А двести спасут. Но двести Петрович не сможет дать – на эти деньги он должен купить бумагу, краску, оплатить работу рабочих, заплатить за электроэнергию, рассовать взятки пожарным и санэпидемстанции... Нет, надо грабить индуса. Тридцать тысяч – это не двести. В конце концов, этот индус богатый, как падишах. Найдёт он ещё двести штук на свои игрушки в бизнес в России.

Когда Виталий очнулся, он увидел, что сидит за столом, а вокруг растеклась огромная лужа. Она медленной тонкой струйкой стекает на пол, образуя там маленькое озерцо. Оказывается, он забыл вовремя закрыть краник, и вся вода из самовара вытекла. Чашка, переполненная до краёв горячей водой, не вызвала желания попить из неё чая. Гранкин поплёлся в ванну за тряпкой и десять минут сражался с потоком, засучив рукава.

На работу с утра он решил не ехать. Предстояло как следует подготовиться к вечернему «мероприятию». Впрочем, особого плана действий у него не было. Сознание услужливо подсовывало ему банальный набор атрибутов и действий: нужно натянуть на голову чёрный чулок, в руки взять игрушечный пистолет, выскочить неожиданно из кустов и крикнуть: «Жизнь или деньги!» Скорее всего, индус предпочтёт жизнь. Что будет, если индусу окажутся дороже деньги, Гранкин не знал. Он решил, что в этом случае будет действовать по ситуации. Может быть, даже придётся ударить индуса. В любом случае деньги он заберёт, чего бы это ему ни стоило. Даже если индуса придётся убить. Думать об этом не хотелось и Гранкин снова начал считать до сорока.

Так и не позавтракав, он собрался и поехал в ближайший универсальный магазин. Пошатавшись по этажам, он отыскал отдел, в котором торговали колготками и чулками. Галка никогда не носила всей этой тонкой, недолговечной ерунды, она предпочитала прочные хлопчатобумажные колготки, которые в случае чего можно было заштопать.

Продавщица отчаянно скучала за прилавком: лето – не сезон для такого товара.

– Вам колготки, чулки или гольфики? – оживилась она, заметив Гранкина, боязливо рассматривающего витрину.

– Чулок, – сказал Гранкин и воровато оглянулся.

– Придётся взять пару. Один чулок, да ещё целый – страшный дефицит! – пошутила девушка. У девушки были накрашенные глазки, наманикюренные ручки и кофточка с очень откровенным декольте. Гранкин старался на неё не смотреть.

– Давайте пару, – кивнул он.

– Вам жене?

– Не, моя такого барахла не носит. Это ... мне. – Наверное, следовало всё же сказать, что покупку он делает для жены, но Виталия патологически не умел врать. Даже по мелочам, даже совсем чужим людям.

– Понимаю, – легко согласилась продавщица и метнула на прилавок несколько упаковок с умопомрачительными картинками. Гранкин аж зажмурился, какие это были картинки! Порода женщин, у которых вместо тела были только бесконечные ноги, ему сильно не нравилась и отчаянно его смущала. Баба должна крепко стоять на ногах, а не качаться над землёй как страус. Какой прок от такой бабы? Только сплошные траты на такие вот финдюльперсы!

– Если на вас, то троечка нужна, – посоветовала девушка и в её голосе Виталию почудилась издёвка. – Резиночка ажурная, силикончик на теле нагревается и плотно сидит, не съезжает совсем. Плотность какая требуется? Дэн сколько?

– Ну, чтоб сквозь них и видно было, но и скрывало бы хорошо...

– Двадцаточка самый раз будет, – продавщица выбрала одну пачку. – Раскроем?!

Гранкин кивнул и опять воровато оглянулся. Время сейчас, конечно, рабочее, но вдруг кто-нибудь из его клиентов бродит по магазину? Продавщица раскрыла пачку, достала чулок и аккуратно растянула его на кулачке.

– Ширше бы надо, – тихо попросил Гранкин. Ему пришла мысль, что его голова будет пошире женской ляжки.

– Шире четвёрочка, – объяснила девушка. – Великовата вам будет.

– Давайте четвёрочку. Покупатель прав всегда, слышали про такое? – Гранкин опять оглянулся. – И только это... цвет нужен чёрный, а то эти гламурные сильно какие-то...

– Чёрный не актуальный сейчас. Возьмите мокко, или капуччино, модно очень!

Нет, кажется, она всё-таки издевалась.

– Чёрный, – отрезал Гранкин и достал деньги.

– Поступили новинки: гольфики синие, жёлтые, красные...

– Заверните эти.

– Примерить не желаете? – Стервозина кивнула на зашторенную кабинку.

– Мне не для тела, – счёл нужным пояснить Гранкин. – Мне для дела!

Пусть думает про него что хочет.

Она всё же хихикнула, прикрыв рот ладошкой, и в ответ посоветовала:

– А бельишко женское на втором этаже. Прямо надо мной отдельчик будет!

До чего ж бесстыдные эти современные девчонки! Нет, здорово, что он женился на скромной, деревенской Галке.

Гранкин юркнул за какую-то колонну и хотел раствориться в толпе, но толпы нигде не было: утренние магазины пусты, правильно говорила Галка. Втянув голову в плечи, он шагнул на пустой эскалатор и поехал на второй этаж, искать отдел детских игрушек.

Водяной пистолет он выбрал быстро. Сонная продавщица лениво выбила чек и упаковала покупку. Гранкин решил, что такого оружия ему будет достаточно. Для непредвиденных обстоятельств он зарядит его перцовым раствором. Если такой раствор попадёт в глаза... Всё-таки, он любыми путями должен заполучить эти деньги!

* * *

Наверное, новость о том, что Гранкин стал очень дорогим врачом, быстро разнеслась по городу, потому что за весь день к нему не пришёл ни один клиент. Только в районе обеда в кабинет настойчиво постучали и в дверь протиснулась полная, румяная бабушка в цветастом платочке.

– Сына, – сказала она, – поспособствуй народному творчеству, подскажи, где пустые квадратные метры найти!

– Чему поспособствовать? – удивился Виталя и внимательно посмотрел на бабушку, пытаясь найти в её облике признаки старческого слабоумия. Но бабуля выглядела бодро, подтянуто, была прилично одета, а в её лучистых глазах светился деловой огонёк.

– Пенсионерскому народному хору «Алая зорька», – с энтузиазмом пояснила бабушка и, не дожидаясь приглашения, присела на кушетку, напротив Гранкина. – Понимаешь, сына, мы, пенсионеры, люди по сути своей молодые. Душа наша песен желает и тесного дружеского общения. А вынуждены мы по домам сидеть, как сычи, потому что каждый шаг теперь денег стоит. В кино – деньги, в кафе – деньги, к внукам, детям идти – тоже деньги. И вот стали мы вместе собираться и песни хором петь. И так хорошо у нас получается! Так хорошо! И гипертония нас отпустила, и склероз куда-то подевался!

– Позвольте, бабуля, а я-то тут при чём? Я собачек лечу. Если у вас есть собачка...

– Но ведь ты же тут сидишь! – вдруг топнула ногой бабка.

– Ну, сижу, – растерялся Гранкин.

– И мы сидеть хотим! – воскликнула бабка. – Нам петь негде! Дома у всех дети, внуки, квартиранты, соседи! Где пожилым людям громко хором попеть?! Вот мы помещение и ищем! Нам бы такой комнатусечки хватило!

– Так вам помещение в аренду надо? – догадался Гранкин.

– Очень надо! – всплеснула руками бабка.

– А везде очень дорого! – продолжил Виталя.

– Не то слово, сына! Мы только по сто рублей с носа можем собрать. А носов тридцать будет, не больше...

– И вы забрели сюда в надежде, что на окраине города помещение дорого стоит не будет!

– Да, дорогой!

– А ну спойте! – приказал Гранкин, на минуту забыв о своих горестях.

Бабушка встала, вытянулась в струнку и голосом, сильно похожим на детский, пронзительно затянула:

*– По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперёд,
Чтобы с боем взять Приморье –
Белой армии оплот...*

– Фальшь присутствует, – резюмировал Гранкин и взял фирменный бланк, на котором писал рецепты.

– Так мы работаем, – стала оправдываться бабуля, – репетируем, и потом, без распевки...

– Значит так, – строго прервал Виталя, – сейчас распоёшься в коридоре и давай, в то крыло здания топай. Там кабинет есть с надписью «Директор типографии». Зовут его Олег Петрович Питерский. Вот, я на рецепте тебе пишу. Постучишься и зайдёшь. Там без церемоний, без секретарш и прочей муры. Как войдёшь, сразу песню затягивай. Лучше романс. «Очи чёрные», например, или «Отцвели уж давно хризантемы в саду». А ещё он страсть как любит «Ты не шей мне, матушка, красный сарафан». Вот, на рецепте тебе пишу, что спеть надо. Если хорошо споёшь, душевно, он тебе крышу над головой организует. Будет у «Алой зорьки» помещение! Держи инструкцию, – он протянул бабуле рецепт, и она выхватила его, как голодная кошка мясной кусочек.

– Спасибо, сына! Я хорошо спою, не сомневайся!

Бабулька вышмыгнула за дверь, и Гранкин услышал, как она распевается в коридоре:

– О-о-о! А-а-а! Мэ-ма-му!

Приближался час икс, о котором Виталию думать совсем не хотелось. Он открыл ящик стола и проверил водяной пистолет, заряженный перцовым раствором.

Ограбление

В шесть часов вечера Виталя, так и не дождавшись ни одного клиента, стал собираться домой. Уйти с работы он решил так, чтобы это видел Петрович, поэтому обошёл здание и зашёл к нему в кабинет.

Петрович сидел за столом и, нахмурившись, терзал калькулятор, что-то высчитывая.

– Ну как, Петрович, приютил «Алую зорьку»? – спросил Виталя, чтобы как-то начать разговор.

– А, так это твоя протеежа?! – оживился Петрович. – Ничего, бабулька, весёлая! Мне такие нравятся, которые на жизнь не жалуются, не плачутся, а поют. Я им старый переплётный цех выделил за совсем символическую плату.

– Цех?! – удивился Гранкин.

– Ну да, он всё равно уже год как пустует, там ремонт нужен на бешеные деньги, так пусть хоть старикам польза.

– Я, Петрович, домой ухажу, – сообщил наконец Виталя то, что хотел сообщить.

Петрович удивлённо на него посмотрел: Гранкин никогда ни в чём перед ним не отчитывался, поэтому он расценил его визит по-своему.

– Я это, Виталя, деньги тебе только завтра смогу отдать, – извинительным тоном сказал он.

Гранкин почувствовал, как лицо заливается краской.

– Спасибо, Петрович, – буркнул он и хотел выскочить из кабинета, но вдруг подумал, что такое поспешное бегство будет подозрительным. Он замер на пороге, обернулся и, пряча глаза, спросил:

– А чего тебе бабулька спела?

– О! – оживился Петрович. – Мою любимую! «Ты не шей мне, матушка, красный сарафан»! И как только узнала?! Ты, дружище, заходи ко мне завтра утром, я деньжат тебе подкину.

Виталя кивнул и вышел из кабинета.

Он знал наверняка – завтра утром у Петровича денег не будет.

* * *

Несмотря на июль, стемнело рано. Наверное, потому, что небо весь день было затянуто тучами.

Виталя сидел в кустах с бешено бьющимся сердцем и считал про себя секунды. Пистолет был наготове, чулок на голове, индус должен был появиться с минуты на минуту. Гранкин ещё раз повторил про себя заблаговременно придуманную фразу: «Деньги или жизнь!»

«Деньги или жизнь!»

Время шло, а индуса всё не было. Эх, кто бы знал, что ему, Гранкину, придётся решиться на такое! Кто бы знал, что его простая, бесхитростная, немногословная любовь к Галке подвергнется такому испытанию!

Виталя вдруг вспомнил, как они с Галкой познакомились.

Галка торговала пирожками на вокзале, прямо на перроне. Так случилось, что Гранкин ездил каждый день на пригородной электричке в область, к приболевшему дядьке, и покупал у неё эти пирожки. Сначала купил на пробу два, потом стал скупать десятками. Десять с щавелем, десять с ревенем, десять с луком и яйцом. Пирожки были особенные – Галка стряпала их сама и привозила из деревни продавать на вокзал. Пирожки были неземные –

тесто воздушное, пористое, пахучее, а начинка! От начинки исходил дух широких полей, свежего воздуха, парного молока, летнего солнца, речки, сеновала и ещё чего-то, отчего к сердцу поднималась тёплая волна, а желудок исполнял торжественную увертюру. Испечь такие пирожки в городе было совершенно немыслимо. Такие пирожки не поддались бы изнеженным ручкам избалованной горожанки. Да и разве кто-нибудь в городе догадался бы сделать начинку из щавеля или ревеня?!

Дядька у Гранкина вскоре выздоровел, и когда Виталя приехал провести его в больницу последний раз, поинтересовался, где это он берёт такие «правильные» пироги. Виталя ему рассказал. Тогда дядька от души посоветовал:

– Женись. Даже если эта баба стара и страшна как смерть. Даже если эта баба замужем, отбей, разведи и женись!

Баба оказалась не замужем. Смущаясь, она представилась Галей и пояснила, что на продажу она печёт «так себе», а настоящая выпечка у неё дома, в деревне, на печке стоит и гостей дожидается. Гранкин намёк понял, вызвался проводить её на электричке до дома, где познакомился с мамой, которой сразу пообещал на Галке жениться.

До пирожков у них тогда дело так и не дошло. Утром Гранкин проснулся рядом с Галкой под крик петухов, на роскошной перине, на белоснежной накрахмаленной простыне, и торжественно подтвердил своё решение жениться на Галке. Пока он спал, Галкина мама отгладила на его джинсах острые стрелки.

– А то неужоженный ходишь, – сказала она. – Сразу видно, страшно одинокий, холостой мужчина.

... Время шло, а индус всё не появлялся. У Гранкина под чулком сильно зачесалась голова, и он потёрся затылком о тонкий шершавый ствол кустарника. Потёрся и вдруг вспомнил свой первый и единственный в жизни романтический поступок.

Когда до свадьбы оставалась неделя, Виталя решил сделать невесте сюрприз – приехать к ней в гости после работы, без предупреждения.

Поздним вечером он сел в электричку и через полтора часа уже был в нужной ему деревеньке. По дороге к любимой он залез в чужой огород и наломал огромный букет сирени. Букет одуряющее пах и, как казалось Витале, передавал всю силу его любви к Галке.

Галка спала в комнате с открытым окном, Виталя тихонько залез в окошко и засыпал любимую с ног до головы сиренью. Он так и сказал, громко и не стеснясь:

– Любимая!

Галка улыбнулась, открыла глаза, взяла веточку сирени, понюхала, сонно сказала «спасибо», и вдруг начала визжать. Впервые тогда Виталя узнал силу и натиск Галкиных богатырских лёгких. Она орала и визжала так, что переполошила всех окрестных собак, петухов, и даже коров, которые начали мычать в своих стойлах.

– Что?! – заорал Виталя. – Где?! Чего?! Кто?!

– А-а-а-у-у-у-ы-ы-ы! – визжала Галка, переходя на вой. Она делала энергичные, странные движения, отбивая от себя одеяло, ветки сирени, подушки. Всё это летело на пол, и Виталя подумал, что Галка сошла с ума от счастья. В деревне трудно найти себе мужа, а тут на тебе – городской, малопьющий, с квартирой, с образованием, симпатичный, не старый и не сопляк...

На вопли прибежала мама и включила свет. Яркая лампочка вспыхнула под потолком, и Гранкин увидел, что в Галкиной постели кишмя кишат мелкие, чёрные жучки. Наверное, они мирно жили себе на сирени, пока Гранкин не швырнул их в постель к невесте вместе с букетом. Мама имела по-деревенски крепкие нервы, она быстро и сноровисто стала смахивать чёрные полчища с постели на пол. Виталя начал ей помогать, Галка, поняв, кто по ней ползает, перестала визжать и тоже стала бороться с жучками, выбрасывая сирень за окно.

Через десять минут они пили душистый малиновый чай на кухне.

– Наверное, у Калядихи в огороде сирени надрал! – хохоча, грозила мама Гранкину пальцем. – Только у неё такая сирень – белая, кудрявая и блохастая! К ней каждый год женихи за букетами лазают! А потом невесты на всю деревню орут!

... Послышался звук приближающейся машины. Виталья вздрогнул так, что колыхнулись кусты, и перекрестился водяным пистолетом.

* * *

Когда Сандип вышел из машины – обычной «девятки», – Гранкин был поражён до глубины души. Почему он представлял себе индуса маленьким, щуплым человечком?!

Из машины вышел громила почти двухметрового роста, с широченными плечами. Он шёл по дорожке, с той уверенностью, с которой двигаются только очень сильные и тренированные люди. В руках индус держал дипломат. В отчаянье Гранкин прикусил губу так, что почувствовал во рту привкус крови. Выхода не было. Нужно было исполнять задуманное. Виталья собрался с силами, напряг обмякшее от страха тело и выскочил из кустов.

Наверное, он чересчур резво выскочил, потому что галька под ногами поехала, и Виталья чуть не упал. С трудом удержав равновесие, он хотел крикнуть индусу заученный текст, но с ужасом понял, что забыл его.

«Кошелёк или жизнь»?

«Деньги на землю»?..

Но самое обидное было то, что индус не заметил «выхода» Гранкина из кустов. Он шёл себе по гравийной дорожке пружинисто и спокойно, с каждым шагом приближаясь к чёрному входу.

Что нужно крикнуть?

Воспитанному на героике Великой Отечественной Войны, Витале пришла на ум одна только фраза:

– Хэндэ хох! – заорал Гранкин, догнал Сандипа и нацелил ему в лицо пистолет.

– Гитлер капут! – весело отозвался индус и помахал Витале рукой, приняв его очевидно за мальчика, играющего в войнушку.

Виталья ощутил слёзы у горла, он понял, что план его летит кувырком. Что никогда он не пальнёт перцовым раствором в лицо смуглого, весёлого индийского парня. И дело вовсе не в том, что парень очень большой и очень сильный, а в том, что симпатичный индус не виноват в том, какая скверная история приключилась с Виталей.

Гранкин развернулся и побежал обратно в кусты. Неожиданно сзади послышался звук на бешеной скорости подъезжающей машины. Виталья хотел обернуться, но не успел. У него за спиной грохнул выстрел. То, что это был именно выстрел, Виталья не сомневался и инстинктивно, хорошо помня армейские уроки, распластался по земле. Послышался дикий визг тормозов и какая-то интенсивная возня. Виталья, чуть приподняв голову, оглянулся и увидел как какой-то низкорослый, коренастый тип вырывает из рук растянувшегося на земле индуса дипломат. Карлик действовал так стремительно, что не успел Виталья крикнуть, как тот уже нырнул в открытую дверь машины. Опять раздался визг колёс, машина сорвалась с пробуксовкой с места и скрылась со скоростью пролетающей мимо кометы. Галька, брызнув из под колёс, осыпала лежащего на земле Сандипа. Виталья даже не мог сказать, какая это была машина – маленькая, большая, светлая, или тёмная. Кажется, тёмная. Кажется, это был джип. А может, и нет. Может, это был светлый «седан». Было совсем темно, да и чулок на голове видимости не прибавлял. Не было никаких шансов рассмотреть, что это за машина...

Виталья по-пластунски пополз к индусу. Он полз, и мелкие камушки больно царапали его подбородок. И тут, словно с неба, раздалось нестройное хоровое пение:

*– Там вдали за рекой,
Засверкали огни...*

Виталя в ужасе замер, ощущая, как сердце молотится прямо о землю.

– В небе ясном заря догорала...

Песню пели чересчур энергично и с чуть большей весёлостью, чем предполагала её смысловая нагрузка.

*– Сотня юных бойцов из будёновских войск
На разведку в поля поскакала...*

Хор разбился на многоголосье. В пении было немного трогательной, самостоятельной фальши и очень много того, что называется «от души».

– Вдруг вдали у реки засверкали штыки...

Сандип чуть пошевелился и застонал. Виталя быстро-быстро перебирая коленками и локтями, подполз к нему. Парень со смуглой кожей лежал на спине, кровь толчками била у него из предплечья и заливала дорожку. Глаза у индуса были закрыты и, наверное, он был бы бледен, если бы не был так смугл.

– Эй, братан! – Виталя похлопал его по щеке. – Эй!

*– И боец молодой
Вдруг поник головой*

Комсомольское сердце пробито... – с весёлой издёвкой разнеслось в ночном тёплом воздухе.

«Алая зорька!» – вдруг вспомнил Виталя. Бабульки не утерпели, получив в своё пользование аж целый переплётный цех, и собрались на репетицию в ночь.

– Эй! – Виталя снова потрепал по щеке индуса. Сандип открыл глаза и уставился на Гранкина. Даже в темноте было видно, что глаза у него бездонно чёрные.

– Нэ убивай, – на почти хорошем русском попросил он Виталю. – Нэ убивай! Я иностранец! Ындья! Слышал?! Ганг, йога, слон, Рерих, Радж Капур, Зита и Гита, слышал?! Я ещё дэнэг дам, нэ убивай!

Виталя сообразил, что на голове у него чёрный чулок, а в руках большой игрушечный пистолет.

– Да я это, братан, не по этому делу, – он сунул пистолет за пазуху, и хотел содрать чулок, но вовремя сообразил, что своё лицо ему индусу лучше не показывать. – Я тут в войнушку играю, ты же видел... А грабнули тебя другие...

– Рашэн бизнес капут, карта, кондом, водка, братан, бригада... – прошептал Сандип и потерял сознание.

Виталя вскочил и побежал к чёрному входу. Чулок он всё-таки сдёрнул на бегу, потому что через него было плохо видно. Здание он знал как свои пять пальцев, хорошо ориентировался в длинных, плохо освещённых коридорах, поэтому в считанные секунды домчался до своего кабинета. На удивление быстро открыв вечно заедающий замок, он отыскал в прозрачном шкафу резиновый жгут, ножницы, бинты, ватные тампоны и ринулся обратно.

Сандип лежал в той же позе, закрыв глаза, кровь из его руки уже не била, а текла вялой струйкой. Виталья ножницами разрезал рубашку, затянул жгут чуть выше раны и наложил тугую повязку.

– Там вдали за рекой уж погасли огни, – пели бабушки детскими голосками.

«Наверное, выстрела никто не слышал», – подумал Виталья. В печатном цехе гремят станки, в переплётном занимаются хоровым пением, Петрович скорее всего дремлет на кожаном диванчике в своём кабинете, поджидая визитёра с деньгами. Гранкин пощупал у Сандипа пульс – сердце билось часто, но уверенно, несмотря на большую потерю крови. Виталья вытащил из-за пазухи чулок и вытер им вспотевшее от страха и напряжения лицо. Вытер и тут же испуганно оглянулся.

Это что же получается? Индус тяжело ранен, ограблен, но сделал это не Виталья, а кто-то другой. Когда Сандипа начнут расспрашивать, он скажет, что его ограбил невысокий человечек с чулком на голове и большим пистолетом в руке...

Виталья вскочил на ноги и побежал. Он бежал быстрее и быстрее, пустынные улицы окраины города были плохо освещены, но Гранкина это только радовало. На безлюдной автобусной остановке он остановился, подошёл к раздолбанному телефонному аппарату, который на удивление оказался рабочим, и набрал ноль три.

– Скорая? – задыхаясь, крикнул Виталья в трубку. – Скорая, там, у чёрного входа в здание типографии лежит абсолютно раненый и ограбленный индус! – Виталья продиктовал адрес. – Да, раненый, да, ограбленный, да, индус! Зита и Гита, Ганг, Радж Капур, знаете? Нет, я не индус, я абсолютно случайный прохожий! Приезжайте быстрее, он потерял много крови и денег! До свидания, Скорая! – Гранкин положил трубку на ржавый рычаг и обессилено опустился на заплёванную лавочку. Интересно, ходят ли здесь в это время автобусы?..

Автобус всё-таки подошёл. Кособокий уродец шумно плевался чёрным вонючим дымом и был абсолютно пуст. С пугающим скрежетом затормозив, он с грохотом открыл свои двери-гармошки. Виталья запрыгнул в убогое, воняющее бензином нутро и плюхнулся на ближайшее сиденье. В салоне не было даже кондуктора, и Виталья протянул мелочь водителю, который был почему-то в одной только майке. Получив билет, Гранкин сжался в комочек, как в детстве, когда ему было страшно, и лбом прислонился к прохладному окну.

Вот ведь как бывает.

Чудовищные обстоятельства толкнули Гранкина на невероятный поступок. Но кто-то другой сделал то, что задумал сделать Виталья. Сделал чётко, жестоко, обдуманно, и стал обладателем двухсот тысяч долларов. Хотя, наверняка у него нет таких чудовищных обстоятельств, которые есть у Виталия. Зато Виталья спас индусу жизнь, остановив кровотечение. Он хоть и ветеринарный врач, но кое-что и в человеческой физиологии понимает. Не окажись его рядом, к приезду «Скорой» Сандип бы превратился в холодный труп. Ведь на окраину города ехать и ехать, а у индуса скорее всего была перебита вена...

Вот ведь как бывает!

Двести тысяч долларов оказались не у него. Кто-то ещё подслушал Петровича, кто-то ещё пас индуса.

Гранкин очнулся, когда уже поднимался по лестнице к себе домой. Навстречу ему спулся сосед с собакой. Он всегда очень поздно выгуливал свою собаку. Заметив Виталия, «барин» брезгливо прижался к стенке, а собака приветливо замахала хвостом. Виталья поднял на соседа глаза. Родственник он тому режиссёру или не родственник?! Впрочем, какая Витале разница? В любом случае с соседями нужно здороваться.

– Здравсьте, – тихо пролепетал Виталья.

«Барин» посмотрел на него удивлённо и высокомерно кивнул. Собака сильнее завиляла хвостом и дружелюбно негромко тявкнула.

Гранкин поплёлся по лестнице вверх, чувствуя, как внутри разрастается чёрная пропасть под названием «безнадёжность».

Вот ведь как бывает.

В следующий раз он обязательно скажет соседу, чем больна его собака, и как её лечить. В следующий раз обязательно скажет.

Дома он промыл пистолет и спрятал его в дальнем углу шкафа. Туда же он засунул и чулки с ажурной резинкой.

Визит дамы

Утром опять прозвенел будильник. Виталя, не открывая глаз, погрозил ему кулаком.

– Сволочь, – зло сказал он. – Тебе меня не напугать. Не напугать и не сбить с толку! – Гранкин сел, протёр кулаками глаза, хотел было уже одеваться, но вдруг топнул ногой и приказал сам себе:

– Нужно умыться. Умыться, побриться и хорошо позавтракать.

Он выполнил все свои приказания и только потом оделся под монотонное пиканье будильника. Форму одежды он выбрал прежнюю – костюм в полосочку, белую рубашку, и малиновый галстук, перекинутый через шею.

Когда он был уже за порогом, затрещал телефонный звонок. Гранкин вернулся в квартиру и снял трубку.

– Виталя, – грустно сказал ему в ухо Кирюха, – я не смогу тебе ничем помочь! Представляешь, Наташка, опасаясь, что я растрочу наши накопленные деньги, вложила их в какие-то хитрые сертификаты. Их нельзя сейчас обналичить, иначе потеряешь большие проценты. И... кредит в банке мне не дают, слишком маленькая у меня зарплата. Прости, Виталя...

– Ничего, Кирюха. Как-нибудь выкручусь, – Гранкин повесил трубку и подумал, что жизнь кончилась.

– И боец молодой вдруг поник головой, – пропел-прошептал Виталя.

Сегодня он позвонит в агентство недвижимости и выставит на продажу свою квартиру. Тысяч двадцать-тридцать долларов ненадолго продлят жизнь Галки и Сашки, а он пока поживёт на вокзале, глядишь, что-нибудь ещё да придумает.

Только бы этот будильник перестал звонить по утрам!

* * *

Клиентов с утра опять не было. Виталя сидел за столом в белом халате, тупо уставившись в одну точку. Пожалуй, нужно написать похитителям ещё одну записку, в которой упросить дать ему на сбор денег не десять, а двадцать дней.

В дверь постучались, в кабинет заглянул Петрович.

– Свободен? – спросил он и бочком подошёл к столу. Никогда раньше Виталя не видел, чтобы Петрович так неуверенно, бочком ходил, словно неврологический больной.

– Тут такое дело, дружище, – Петрович присел на край кушетки, снял очки в роговой оправе и потёр руками красные воспалённые глаза. – Тут такое дело!

– Что случилось? – плохо сыграл удивление Гранкин и с трудом посмотрел Петровичу в глаза.

– Я не смогу в ближайшее время тебе помочь деньгами, – надевая очки, тихо сказал Петрович. – У меня не будет денег! Сандипа сегодня ночью ограбили.

– Да ты что? – ещё ненатуральнее «удивился» Виталий. Он был плохой актёр. Отвратительный. Будь Петрович не в таком состоянии, он бы заметил, как плохо играл Виталя, но Петрович ничего не заметил и продолжил рассказ.

– Сандип в начале первого ночи привёз мне деньги за свой заказ и... не донёс. Ограбили его.

– Ограбили?! – Виталя всплеснул руками как заполошная глупая баба.

– Да. Он припарковался у чёрного входа, пошёл по дорожке, и вдруг на него налетел грабитель в чёрном чулке на голове. Почти сразу сзади на бешеной скорости подъехала

машина, в Сандипа выстрелили и вырвали дипломат с деньгами. Машина умчалась, а Сандип потерял сознание. У него сквозное ранение в руку, он потерял много крови. Он не видел грабителей, кроме того, с чулком на голове. Самое удивительное, что этот гад не уехал с друзьями, а стал оказывать раненому первую помощь.

– Помощь?! – Виталя почувствовал как во рту пересохло.

– Он наложил жгут, повязку, остановил кровь. Бред какой-то. Но и это ещё не всё. Похоже, что он же и вызвал «Скорую».

– Скорую?!

– Да. Я дремал на своём диванчике в кабинете, в переплётном цехе распевалась «Алая зорька». Бабушки решили не терять времени и начать репетицию прямо в ночь, у них всё равно бессонница. Выстрела никто не слышал. Услышали только сирену «Скорой помощи», выбежали, а там... Потом милиция приехала, допросы, расспросы, Сандипа в больницу увезли. Я ночь не спал, даже домой не ездил. В общем, дружище, денег у меня пока для тебя нет. – Петрович развёл руками.

– Ничего, я как-нибудь выкручусь, ты не волнуйся. – Виталя никогда в жизни так паршиво, так гадко себя не чувствовал.

Петрович пошёл было к двери, но остановился и оглянулся:

– Слушай, ты когда-нибудь слышал, чтобы грабители перевязывали своих жертв?

– Нет, – упавшим голосом ответил Виталя. – Нет, Петрович, я никогда о таком не слышал.

– Вот то-то и оно! И ведь грамотно так перевязал, жгут наложил... Врачи со «Скорой» говорят, что не иначе как медик орудовал.

– Кто знал, что Сандип вечером привезёт деньги? – Витале было невыносимо трудно вести этот разговор, но он решил взять инициативу в свои руки.

– Никто не знал, – развёл руками Петрович. – Я так ментам и сказал. Я ведь решил с него всю предоплату наличкой взять только когда собрался тебе помочь. А тебе я собрался помочь тогда, в пивнушке, «У камелька». Оттуда Сандипу и позвонил, из туалета, с мобильного.

– Из туалета! Разве можно из туалета по таким делам звонить, – пробормотал Гранкин.

– Я уж потом об этом подумал, – вздохнул Петрович. – Дурак я! Старый пень! Выпил много и всякое соображение потерял! Потом уже вспомнил, что слева кто-то в кабинке топтался, и справа кто-то дышал. Я ведь после пивнушки не домой поехал, а в типографию, там срочный заказ катался. Видно, выследили меня, поняли, куда деньги привезут. Э-эх! – махнул Петрович рукой. – Из-за меня чуть Сандип не погиб! Всех подвёл! Прости меня, Гранкин! Всё, больше не пью.

– Не виноват ты ни в чём, Петрович! – Витале было так гадко, что он понял – ещё чуть-чуть и он во всём признается прямо сейчас, прямо здесь, не думая о последствиях. – Не виноват ты! – крикнул он. – Мало ли ублюдков на свете? От всех не застрахуешься! Жив индус-то?! Жив! И ещё сто лет проживёт. А деньги – мусор, у него этих денег... Очухается и проплатит тебе заказ. И мы с тобой... по маленькой! Сначала фуфырик, потом сделка!

– Спасибо, Виталя, – расчувствовался Петрович. – Спасибо, друг! Только это урок мне на всю жизнь. Больше ни капли в рот не возьму. – Сгорбившись и втянув голову в плечи, Петрович вышел из кабинета, тихонько прикрыв за собой дверь.

* * *

– Э-э-э-эхррр! – издал полухрип, полурык Виталя.

Как взяла его жизнь за горло! Как взяла! Всё. Он сам себе перекрыл кислород. В ближайшее время даже Петрович не сможет ему помочь.

В дверь тихонечко постучались.

– Э-э-э-эхrrrr! – повторил Виталя.

Дверь приоткрылась, в неё просунулась белокурая голова.

– Э-э-х! Вон все отсюда! Вон! – заорал он голове.

Голова похлопала изумительно голубыми глазами.

– Мне говорили, что вы со странностями, – сказала она.

Дверь распахнулась и в кабинет впорхнула дамочка, каких в жизни не бывает. Они живут на журнальных картинках, непонятно откуда берутся и куда потом деваются. На даме был облегающий молочного цвета костюм, остроносые туфли на высоченной шпильке, сумочка на цепочке и украшения, которые сдержанным блеском подчёркивали убогость ветеринарного кабинета. У дамочки всего было в меру, но и всего чересчур: грудь излишне оттягивала вполне скромный вырез, пиджачок туго обхватывал нереально тонкую талию, а колени вроде и были скромно прикрыты юбкой приличной длины, но почему-то постоянно мелькали, мозоля глаза своим совершенством. Виталя даже зажмурился. Бывают же такие мамзелечки! Сколько денег на них уходит? Всё-таки здорово, что он женился на простой, понятной, хозяйственной Галке.

– Меня предупреждали, что у вас невыносимый характер! – Дамочка уселась на кушетку, умопомрачительным жестом закинула нога на ногу, и обхватила колени тонкими пальцами, унизанными колечками, которых вроде бы было немного, но всё равно чересчур.

Гранкин сглотнул.

– О чём вас предупреждали? – с трудом произнёс он простые слова.

– О том, что вы просто несносный тип. Но я вижу, что это не так. Вы вполне милый!

– Милый?!

– Да! – Дама раскрыла маленькую как кошелек сумочку, порылась в ней и закурила невиданную, длинную, тёмно-коричневую сигарету.

– Здесь не курят! – рявкнул Виталя. – Что вы себе позволяете?! Давайте ваше животное!

Дама расхохоталась, показав белозубую, рекламно-идеальную пасть.

– Как вы сказали?! Животное? Ха-ха-ха! Давайте сюда животное! Нет, вы вообще не страшный, не грубый, вы милый!!! Животное! Ха-ха-ха!

Гранкин вдруг испугался. Он понял – дама наверняка сумасшедшая.

– Ведь вы пришли полечить свою кошечку? – дрогнувшим голосом спросил он.

Дама перестала смеяться и почему-то откровенно смутилась.

– Спасибо, конечно, но у меня свой врач. Он отличный гинеколог!

– Кто?!

– Свою, как вы выражаетесь, «кошечку» я лечу, когда в этом есть необходимость, у лучшего в городе гинеколога – Бориса Лазаревича Каца! А вас мне рекомендовали как лучшего в городе детектива.

– Ко-го?! – Виталя сел, встал, снова сел, разогнал руками перед носом сигаретный дым и снова встал.

– Ко-го?! – по слогам переспросил он.

– Част-но-го де-тек-ти-ва, – тоже по слогам ответила дамочка. Она затушила сигарету очень странным для такой фифы способом – о подошву туфли, и щелчком пульнула окурков в пластмассовую мусорницу, стоявшую в углу. Попала она точно в центр, и это тоже было странно для такой фифы.

– Помилуйте, – Гранкин даже разулыбался, – я ветеринарный врач! – Он вышел из-за стола, открыл дверь и пальцем ткнул в табличку. – Вот. «Ветеринарная клиника „Тузик“». Ту-зик! Вы что-то напутали! И если кошечка у вас только одна, та, которую лечит некто уважаемый Кац, то у меня вам нечего делать!

– Мне говорили, что вы шифруетесь, – кивнула дамочка. – Белый халат вам очень к лицу. Только галстук очень креативно повязан для простого ветеринара. Вы должны заняться моим делом!

– Ту-зик! – проскандировал Гранкин. – Я врач!

– Вы должны, – дама молитвенно сложила руки, но при этом требовательно топнула ногой. – Я хорошо заплачу!

– Вы сумасшедшая. Тащите ко мне ваших собачек, кош... нет, птичек и хомячков. Я хороший ветеринарный врач и возьму недорого.

– Я в состоянии хорошо заплатить, – с долей высокомерия заявила фифа. Наверное, она привыкла получать в жизни всё что захочет, и если ей не удавалось добиться чего-то с помощью своей умопомрачительной внешности, то она добивалась этого деньгами. Виталя поморщился. Его Галка никогда бы не стала сорить деньгами только для того, чтобы из принципа заставить ветеринара заниматься не своим делом.

– Вы должны расследовать обстоятельства смерти моей сестры.

– Я не расследую, я лечу.

– Мне говорили, что вы упрямый. Доктор, умоляю, найдите, кто убил мою сестру! Мне кажется, что этот человек собирается убить и меня!

– Мне нет дела до вашей сестры! Мне нет дела до вас! Убирайтесь!

– Я знаю, вы очень дорого берёте за свои услуги. Но неужели я похожа на человека, который не в состоянии заплатить?! Хотите, я на колени встану?

Дамочка вдруг соскользнула с кушетки и плюхнулась на свои красивые коленки.

– Нет, вы чокнутая, ей-богу! – заорал Виталя и попытался за локти приподнять даму. Но она оказалась неожиданно сильной, стала сопротивляться, потянула Виталя вниз, и он чуть не грохнулся прямо на неё, на пол, в недвусмысленной позе.

– Я врач! Я – «Тузик»!!! – он с трудом отцепился от дамочки и убежал за стол. – Ну с чего ради, частный детектив, как вы выражаетесь, будет носить белый халат и сидеть в кабинете, обложенный лекарствами и шприцами?!

– Вы шифруетесь, – всхлипнула дамочка. – Я знаю, мне рассказали.

– Кто?!

– Друзья, которым вы очень и очень помогли.

– Идите, – Виталя резко выкинул руку вперёд, указывая на дверь. – Идите к своим друзьям, к вашему Борису Лазаревичу Кацу! Пусть он расследует обстоятельства смерти вашей сестры! Если я, простой ветеринарный врач, по вашему разумению смогу это сделать, то лучший гинеколог города сделает это лучше!!!

– Но я очень хорошо заплачу! Я знаю ваши расценки!

– Вот вам мои расценки! – Виталя яростно сорвал со стены прайс-лист и швырнул его в лицо незнакомки. – Вот! Комплексная прививка – двести тридцать рублей! Капельница – пятьдесят! Почистить параанальные железы – всего тридцать рублей! Дешевле в городе не найдёте! Кстати, я один из немногих в городе, кроме государственной клиники, имею право делать прививки от бешенства! Не желаете? Сотня! Вам сделаю скидку!

– Полмиллиона долларов, – тихо сказала дамочка и встала с колен.

Виталя бухнулся на кушетку.

– Вы чокнутая. Верю, богатая, но абсолютно чокнутая! Или вот, что, знаете, там, в переплётном цехе целая толпа отличных частных детективов. От нечего делать они песни хором по ночам поют. Если вы им заплатите, они вам чёрта лысого найдут. Идите туда, я укажу вам дорогу.

– Миллион.

– Идите, идите! – Виталя встал и подтолкнул её к двери.

Он абсолютно уверился в мысли, что дамочка страдает шизофренией. Что ж, и богатые сходят с ума. От счастья, наверное. От богатства.

– Жаль, что мы не сумели договориться, – фифочка подхватила с кушетки свою мини-атюрную сумочку и пошла к двери. Гранкин посмотрел ей вслед, на её узкую, стройную, красивую спину. Дама стала закрывать за собой дверь.

И тут до Витали дошло.

* * *

– Сколько вы говорите? – прошептал он.

– Миллион, – не оборачиваясь, сказала дама.

– Долларов?!!

– Ну не сомов² же, – спиной усмехнулась она.

Виталя подскочил к двери и за руку втянул её в кабинет. Подумав, он закрыл дверь на ключ. Потом он взял даму за плечи и усадил на кушетку. Сам сел за стол, но тут же встал, снял белый халат, и снова сел.

– Рассказывайте, больная, – сказал Виталя.

² Сом – денежная единица Узбекистана

Убийство №1

Пока она доставала сигарету и закуривала, Гранкин всё понял. Петрович говорил, что эту комнатуху до Витали арендовал какой-то мрачный нелюдимый тип. Чем он занимался, никто не знал, даже Петрович. А тип, похоже, и был тем самым частным детективом, к которому отправили дамочку друзья.

Миллион долларов! Фифа наверняка врёт. Но чем чёрт не шутит, Виталию хватит и четверти, нет, половины этой умопомрачительной суммы...

А вдруг и правда... миллион долларов?!

Господи, да за такие бабки он что угодно расследует, это же не труднее, чем лечить животных. Попробовал бы тот Пинкертон, который сидел до него за этим столом, сделать клизму коту! Или повязать стаффов! А он, Гранкин, и делает, и вяжет. Значит, и с этим делом справится. Миллион долларов! Осмыслить, реально понять эту сумму Витали не мог. Такие деньги существовали в другом, параллельном с ним мире – припоминались гонорары голливудских кинодив, в голову лезли доходы нефтяных магнатов. Впрочем, не зря дамочка была как с картинки глянцевого журнала – все эти колечки, серёжки, цепочки, сумочка, кажется, из змеиной кожи, сигареты, каких Витали в жизни не видывал, костюмчик простой, без оборочек (Галка любила оборочки), таких не продают в магазинах, где бывал Гранкин, такого вообще ничего не продают, что на ней навздёвано... Миллион долларов. Да на эти деньги он сможет выкупить трёх Галок с тремя младенцами.

– Рассказывайте, больная, – севшим голосом поторопил он дамочку.

Она уже почувствовала себя хозяйкой положения, откинувшись на спинку кушетки и, не торопясь, глубоко затянулась.

– Миллион баксов для меня вовсе не пустяковая сумма, как вы понимаете, – прищурившись, сказала она.

– Да уж как-то я это понимаю, – пробормотал Витали. Он ещё не определился с линией поведения. Каким ему быть? Мягкой, учтивой душкой? Или жёстким грубоватым профессионалом? А может, развязным хамлом?

– Совсем даже не пустяковая, – повторила дама. – Я плачу её не только за то, что вы назовёте мне имя убийцы и предоставите доказательства его вины, но и за то, что я сама буду чувствовать себя в безопасности. Меня тоже хотят убить, я в этом абсолютно уверена! А у вас репутация профессионала, у которого не бывает провальных дел.

– Не тяните кота за хвост, лучше хватайте его за яйца, – Витали решил, что самоуверенность и некоторая развязность крутому детективу больше к лицу, чем воспитанность и интеллигентность «ботаника». – Давайте, выкладывайте, как вас зовут и на что жалуете... что там у вас стряслось!

– Меня зову Эльза. Эльза Львовна Перова.

Витали взял свой фирменный бланк, на котором выписывал рецепты и записал на нём: «Эльза Львовна Перова». Записав, он удовлетворённо кивнул. Изысканное имя дамочке подходило, так же как и простецкая фамилия, учитывая её милую привычку, тушить бычки о подошву туфелек, а потом щелчком отправлять их в урну.

– Кстати, – спросил Витали, – а как зовут того... вашего сыщика?

– Также как и вас, – улыбнулась Эльза Львовна.

– Ага, значит, Виталий, – пробормотал Гранкин. – Ладненько, так и запишем, мы, Виталий Сергеевич Гранкин, берём в производство дело ...

– Ой, да ладно вам, не шифруйтесь! Мне сказали, что вы меняете имена и офисы как перчатки. Хорошо, что я вас тут ещё застала, что вы никуда пока не переехали!

– Хорошо, – согласился Гранкин. – Рассказывайте.

– Мою сестру-близняшку Аду, убили! Это совершенно точно, хотя дело в прокуратуре закрыли, признали её смерть несчастным случаем.

Виталья сосредоточено вывел на бланке «Ада Львовна. Убийство №1».

* * *

– Адка старше меня была на пятнадцать минут. Как это ни смешно, но родители считали меня младшей, чуть больше любили и гораздо сильнее баловали. К счастью, Адка родителей ко мне никогда не ревновала, она с удовольствием исполняла роль старшей сестры. Благородство было свойственно ей, как вольной птице чувство полёта. Говорят, что даже в младенчестве она никогда не капризничала, давая родителям возможность заниматься только моей персоной. Когда мы подросли, она лучший кусочек всегда отдавала мне, не ходила гулять, если я болела ангиной, помогала мне делать математику, в которой я ни бумбум. В общем, жили мы душа в душу, спали в одной комнате... Родители наши были счастливы от того, что мы так здорово друг с другом ладим. Мама наша была домохозяйка, а отец учёный – профессор, довольно известный историк, его книги до сих пор переиздаются, хотя папа давно умер. Мы жили в коттедже на двух хозяев, знаете, Академия наук выделяла такие профессора и их семьям. Конечно, мы с Адкой ощущали себя немножко особенными, ходили в английскую школу, во времена дефицита одевались в заграничные шмотки и питались продуктами из спецпайка. Но самое главное, мы дружили, мы с ней очень дружили, у нас не было тайн друг от друга. Вернее, у неё от меня не было, а у меня... до поры до времени. В общем, стукнуло девушкам семнадцать лет...

Виталья взял ручку и строго постучал ею по столу. Ему показалось, что дамочка несёт много лишнего. Но должен ли частный детектив делать замечания клиенту, который рассказывает свою историю? Вот если бы клиент описывал симптомы болезни своей собаки и начал с того момента, как будучи ещё ребёнком, захотел завести породистого пса, Виталья бы непременно строго сказал:

– Ближе к делу, ближе! Я не психоаналитик, я ветеринар. Проблемы детства за отдельные деньги и у другого врача!

Гранкин снова постучал по столу ручкой, но промолчал. Он решил, что за такие деньги можно и о детстве послушать.

– Стукнуло девушкам семнадцать лет. И понеслось! – Эльза выудила из сумочки ещё одну длинную коричневую сигарету и опять закурила. – Как это часто бывает у близнецов, мы влюбились в одного парня. Парень был старше нас на два года и был нашим соседом по дому. Его отец, тоже учёный, был тем самым «вторым хозяином» коттеджа. Какой Роман был красавчик! Высокий брюнет, в меру раскрасневший, черты лица как... как... ну, вам этого не понять!

– Этого-то уж точно не понять, – пробурчал Гранкин, и снова постучал по столу ручкой. Миллион долларов! Пусть мамзелечка треплется хоть до вечера.

– Возле него всегда вертелись какие-то взрослые красивые девицы. Он занимался теннисом, ходил на байдарках, и даже пел в каком-то городском вокально-инструментальном ансамбле, как тогда это называлось. Адка первая мне призналась, отчего не спит по ночам. Я тогда посочувствовала ей, но сама не призналась, что ворочаюсь до утра от тех же чувств и мыслей. Я сказала ей, что шансов у неё никаких, потому что к нам он относится как к соседкам, маленьким девочкам. Наши родители особо не дружили, так, по-соседски переговаривались из-за забора. Но как-то раз я забирала из почтового ящика почту и нашла там письмо, адресованное Адке. Первый раз в жизни я совершила не очень благовидный поступок – прочитала чужое письмо. Я просто сердцем почуяла – там что-то важное. И точно – в маленькой записулке Ромка приглашал Адку на свидание. Оказывается, я была не права:

он относился в нам совсем не как к маленьким девочкам... Но выбрал он Адку! Я от досады тогда разревелась. И совершила второй в своей жизни неблагоприятный поступок: ничего не сказав Адке, намарафетилась вечером и пошла на свидание вместо неё. Ромка не заметил подмены, мы целовались почти до утра в какой-то беседке, и это стало первой моей тайной от Ады.

– Так, – Виталя резко вскочил и натянул на себя белый халат. Эта привычная униформа добавляла ему уверенности в себе. – Так! – почти закричал он. – Ближе, пожалуйста, к делу, ближе! Я не психоаналитик, я ветери... я частный детектив!!! Проблемы детства за отдельные деньги и у другого врача! – Он выпалил этот текст, набрав в лёгкие побольше воздуха и выкатив глаза. Сердце ухнуло где-то в районе желудка. Сейчас дамочка затушит сигарету о подошву туфли, пульнёт окурок щелчком в плетёную урну, встанет и уйдёт, хлопнув дверью. И плакали его денежки! И Сашка его зарыдает, прильнув к пустой Галкиной груди в подвальном сыром помещении...

От ужаса похолодели пальцы на руках и ногах. Виталя схватил снова ручку и нервно затарабанил ей по столу, как это делал его препод по хирургии, когда намеревался поставить в зачётке «неуд».

Но дамочка не встала и не ушла.

* * *

– Меня предупреждали, что у вас трудный характер, – улыbnулась она. – А также меня предупреждали, что если вы возьмётесь за дело, то успех гарантирован.

Отлично! У него тяжёлый характер.

– Прекратите курить! – заорал Гранкин и выдернул у неё из пальцев длинную сигарету. Он затушил её о подошву своего ботинка и щелчком отправил в урну. Виталя катастрофически позорно промазал – сигарета улетела в другой угол комнаты, но Гранкин с вызовом глянул на даму. Может, он и не снайпер, но у него репутация самого лучшего детектива!

– Отвечайте на мои вопросы.

– Да, – покорно кивнула Эльза.

– Что случилось с вашей сестрой?

– Она погибла в результате несчастного случая, но я уверена, что её кто-то убил!

– Это я уже слышал. При каких обстоятельствах она погибла?

Виталя сам собой восхитился. Как он ловко сформулировал фразу! «При каких обстоятельствах...»

– Она была дома одна. Муж уехал в командировку в другой город. Они живут в том самом коттедже, в котором жили мои родители. Коттедж двухэтажный, на втором этаже есть небольшой такой балкончик, там стоят столик, шезлонг и маленькая кушетка под ноги. Неделю назад, вечером, вернее, ночью, моя сестра... упала с этого балкончика. Высота там ерундовая, в крайнем случае ноги-руки сломаешь, но Ада... сломала шею. Это ни у кого не вызвало удивления, потому что на столике остались две пустые бутылки из-под шампанского. Менты и медики сделали вывод: дамочка напилась в одиночестве, подошла к невысоким перилам, закурила и... то ли голова у неё закружилась, то ли просто равновесие потеряла, в общем, она упала с высоты второго этажа и свернула себе шею. Её нашёл наш сосед, второй хозяин дома, Иван Терентьевич. Вернее, его собака, с которой он ночью любит прогуливаться. Ада лежала прямо на клумбе с цветами, голова неестественно вывернута, на ней было вечернее платье с открытой спиной, в пальцах зажата сигарета...

Эльза сделала попытку смахнуть слезу, но слезы не было, и она, не донеся руку до глаз, махнула ей, мол – ладно уж, своё я уже отрыдала.

– И с чего же вы взяли, что вашу сестру убили? – искренне удивился Гранкин.

– Шампанское!

– Что, шампанское? Вполне дамский напиток!

– Дамский, – фыркнула Эльза, – Вот именно – дамский! Адка была экзальтированная особа. И она терпеть не могла шампанское! Могла выпить водку, виски, текилу и даже ром, но только не дамский напиток! Если бы ей пришлось в голову налакаться в одиночку, это было бы всё что угодно, только не шампанское! А ведь медики подтвердили – она немеренно выпила именно «вонючей газировки», как она его называла. Отпечатки пальцев на бутылках – её, на фужере – тоже. Ни у кого никаких сомнений, только у меня. Вот, например, какого чёрта на ней было вечернее платье?! Она в тот вечер никуда не ходила и никуда идти не собиралась. Да и ночь была довольно прохладной для такого наряда. В тот вечер она позвонила мне часиков в девять, трезвая и абсолютно спокойная. Сказала, что сидит дома. Мы поболтали о том, о сём, а в конце разговора она заявила мне, что завтра расскажет мне что-то такое, от чего я «офигею, обалдею, и сойду с ума». Как ни пыталась я выпытать у неё, что случилось, она только твердила: «Завтра, завтра». А в час ночи мне позвонил Иван Терентьевич... Кстати, зря вы мне не дали рассказать про нашу первую любовь. Дело в том, что я вышла замуж за того парня, соседа, и Иван Терентьевич – это мой тесть. Адка мужественно перенесла крах своей первой любви. Я так и не рассказала ей, что то, первое письмо Роман прислал ей, а не мне. Он только потом разобрался в подмене, но было уже поздно, у нас такое закрутилось...

Гранкин хотел снова постучать по столу, но передумал, мозг подсунул вдруг не свежую, но верную для его новой работы мысль: «Детали очень важны».

– Замуж я выскочила рано, в восемнадцать. Намыкались мы сначала с моим. Ромка от отца помощи брать из принципа не хотел, говорил, что всего добьётся сам. Я от родителей тоже ушла. В институт поступила, в тот же что и Ромка. Жили мы с ним в общежитии, в Ромкиной комнате, отгородившись шторкой от соседей-студентов. Туалет один на этаж, душ в подвале, работает только ночью. Сорок рублей моей стипендии, сорок его. Это потом муж стал известным в городе предпринимателем. Ну, вы же знаете, Перов! Почти все крупные в городе автозаправки принадлежат ему!

– Ах, Перов! Ну да, Перов! – неуверенно воскликнул Виталя и тут вдруг вспомнил.

Перов был действительно знаменитой личностью в городе. Когда предпринимательство ещё только поднимало голову, он создал какую-то фирму, которая торговала лесом и цветными металлами, причём ходили слухи, что он очень выгодно продаёт всё это за рубеж. Пресса тогда подняла вой, что он «распродаёт Родину», но потом всё помаленьку утихло. Перов стал уважаемым человеком в городе, приобщился к власти посредством депутатства то ли в городском, то ли в областном совете. А о его талантах «торгаша» напоминал только выстроенный из красного кирпича и обсаженный голубыми ёлочками диковинный офис, который туристам показывали как архитектурную достопримечательность города. О том, что ему принадлежат ещё и заправки, Виталя не знал, но видимо, это так, раз госпожа Перова так утверждает. Может, она и не врёт, что в состоянии заплатить миллион за детективные услуги. Может, не врёт.

– Перов! – снова воскликнул Гранкин. Для пущей убедительности он хлопнул себя ладонью по лбу, но вспомнил, что у него тяжёлый характер и нахмурился.

– Поближе к теме, Эльза Петровна. Я тут не батюшка на исповеди, а хорошо известный в городе детектив.

– Пол-первого ночи мне позвонил Иван Терентьевич. Он что-то кричал, и я не сразу поняла, что Джерри, его пёс, нашёл в клумбе Аду. Иван Терентьевич сказал, что она мертва, что «Скорая» уже уехала, а милиция ещё не приехала. Я села в машину и примчалась в родительский дом. Роман сейчас в командировке во Франции, поэтому я осталась с бедой один на один. Меня допрашивали, там, на месте, потом ещё вызывали к следователю. Я

выложила им про шампанское, но надо мной только посмеялись. Мало ли, что пила она только водку! Захотелось даме шампанского! Как сказал следователь, мы все когда-то что-то делаем в первый раз. Вот и Ада взяла, и первый раз в жизни напилась шампанского. В общем, у органов никаких сомнений. По их мнению, это несчастный случай. Даже то, что она так неудачно упала, свернув шею, якобы подтверждает их версию о пьяной дамочке с нарушенной координацией. Но самое страшное, – Эльза опять попыталась отыскать в сумочке сигарету, но, вспомнив о запрете, замерла и щёлкнула замочком, послушно отказавшись от соблазна, – самое страшно то, что я абсолютно уверена: кто-то хочет убить и меня.

– Почему вы так решили?

– Два дня подряд со мной происходят странные вещи. У нас с Романом собственный дом в загородном посёлке. Охрана и всё такое прочее. В общем, я не очень-то беспокоюсь о своей безопасности, находясь дома. Когда Ромка уезжает в командировку, я отпускаю прислугу на все четыре стороны и остаюсь абсолютно одна. Понимаете, это невыносимо, когда в собственном доме не можешь насладиться абсолютным и полным одиночеством. Кто-то вечно снуёт перед носом туда-сюда, туда-сюда, и что самое невыносимое, навязчиво пытается тебе угодить. Нет, у нас хорошая горничная и кухарка отличная, и садовник самый лучший – лауреат каких-то там конкурсов по ландшафтному дизайну, но как только муж уезжает, я объявляю им выходные, причём без урезания в зарплате. Они очень этому рады. Так вот, дома я была абсолютно одна. Утром встала, захотела попить кофе, вспомнила, что прислуга распущена и обрадовалась. Можно ходить, в чём мать родила, можно, не думая о приличиях, развалиться внизу на диване в гостиной и подремать, и почитать, и посмотреть ящик и вообще всё, что хочешь... Я хозяйка двух крупных салонов одежды и рабочий график у меня совершенно свободный. Иногда я просто звоню в магазины по телефону, отдаю распоряжения, и этим мой рабочий день ограничивается. Так вот, я схватила свою огромную подушку с кровати и пошла вниз, на первый этаж. Там, в гостиной, на диванчике только маленькие диванные подушечки, а я решила проваляться как минимум до обеда. Короче, на лестнице я чуть оступилась, схватилась за перила и выронила подушку. Она поскакала вниз как резиновый мячик. Чуть ниже, чем там, где я стояла, что-то громко треснуло, и я увидела, что ступенька сломалась. Понимаете, под весом всего лишь подушки ступенька сломалась! Я бросилась туда, и поняла, что она аккуратно подпилена. Там был ровный такой срез, и только на самом краешке – слом. У нас очень крутые, винтовые лестницы. Это какое-то безумство, иметь такие лестницы в доме, но Роман любит всё необычное и немножко помпезное. Знаете, его офис с башенками и колоннами в центре города?

– Кто ж не знает, – пробурчал Гранкин.

– Так вот, если бы подушка не выскользнула у меня из рук, на этой ступеньке упала бы я. Долететь живой до пола у меня не было бы никаких шансов, переломала бы руки, ноги, шею и позвоночник. Но и это ещё не всё. На следующий день я пошла принимать душ. Я никогда не залезу в кабинку, пока не потрогаю воду рукой. И вот стала трогать – меня током бьёт! Выключаю воду, включаю, трогаю – бьёт, причём, очень сильно! Я вызвала слесаря, он пришёл, всё проверил и пришёл в ужас. Кто-то отсоединил провод заземления от водонагревателя! Вот просто взял и отсоединил! То есть, не имея я привычки, не заходя в кабину, проверять воду рукой, а просто встань под душ как все нормальные люди, а потом включи воду, меня бы убило током! Кто-то хочет избавиться от меня! И этот кто-то входит в мой дом! Я срочно созвала всю прислугу и поселила её в доме, хотя муж вернётся ещё не скоро. Я ничего не рассказала об этом следователю, потому что у него есть гнусная привычка смеяться над моими страхами и подозрениями. Богатые дамочки считаются дурами и истеричками! Я сразу взяла у подруги ваши координаты и примчалась сюда. Только вы сможете мне помочь! У вас слава профессионала, у которого нет провальных дел!

– Вы кого-нибудь подозреваете? – резко оборвал её Гранкин и снова похвалил себя за чёткий, хороший вопрос.

– Да, – шёпотом сказала Эльза. – Она всё же достала из сумочки сигарету, понюхала её, помяла в пальцах, и сунула обратно в сумку. – Да, – шёпотом повторила она, – подозреваю.

И тут грянуло громко, весело, с молодым задором:

– Жизнь висела на волоске.

Шах! И тело на скользкой доске.

Сталь хотела крови глоток.

Сталь хрипела «Идем на восток!»³...

³ слова из песни М. Покровского «Идем на восток!», группа «Ногу свело».

Деньги пахнут

- Что это? – вздрогнула сильно Эльза Перова.
- Хор, – пояснил Виталя, встал и плотно закрыл скрипучую, шаткую фрамугу. – Пенсионеры поют.
- Зачем?!
- Ну, они не хотят сидеть дома, грустить и стареть. У них молодая душа и им хочется петь.
- Но... это ведь типография?..
- Да, типография. Так ведь и я ж не за станком стою, – хмыкнул Виталя.
- Ну да, – согласно кивнула Эльза. – Странный репертуарчик для бабушек.
- Нормальный репертуарчик. Так вы говорите, что знаете, кто убил вашу сестру?
- Я так сказала?!
- Вы сказали, что кого-то подозреваете...
- Это разные вещи.
- Разные, – согласился Виталя и почувствовал, что краснеет.
- Здорово его фифа подловила.
- Не придирайтесь к словам! – заорал он. И тише добавил: – Если хотите, чтобы я занимался этим делом. Я профессионал. Ветери... Детектив, а не хренов филолог! Так кого вы подозреваете?

Эльза Львовна поднесла к глазам холёную руку и стала рассматривать длинные ногти. Такие ногти Виталя видел только по телевизору – на них был изображён сложный цветной орнамент, прямо произведение искусства, а не ногти. На фига на ногтях рисовать орнамент, Гранкин не понимал и от души радовался, что Галка не заморачивается такими глупостями и стрижёт ногти большими портняжными ножницами раз в неделю.

– Понимаете, – Эльза прикусила мизинец ровными белыми зубками, – мне показалось, что в последнее время у Адки появился любовник!

– Когда кажется, говорят, креститься надо.

– Да, она точно завела любовника! Мне она ничего не говорила, но я поняла, что кто-то у неё появился. Наверное, именно это она хотела мне сообщить, когда сказала, что завтра расскажет новость, от которой я «офигею, обалдею, и сойду с ума»! Что-то мне говорит, что она собралась уходить от мужа и хотела мне первой сообщить об этом. Ведь у нас не было тайн друг от друга, только та, маленькая, когда я вместо неё пошла на свидание...

– Почему вы решили, что у неё появился любовник? Он, что, и есть тот, кого вы подозреваете?

– Вся Адкина жизнь была как на ладони. Замуж она вышла через два года после меня за Андрея Крылова. Кстати, она взяла его фамилию и тоже стала Крыловой. Особо страстной любви с ней не приключилось, между ними были ровные, спокойные, и как мне кажется, немного равнодушные отношения. Как-то мне Адка сказала, что потерять голову можно только по молодости и по глупости. А самые правильные отношения те, которые основаны на уважении к независимости другого человека. Она закончила иняз и работала переводчиком, брала переводы на дом, проводила экскурсии с иностранцами, в общем, отличная профессия для женщины. У Андрея уже пять лет как своё небольшое рекламное агентство. Зарабатывают они не очень много, но на жизнь хватает, тем более что детей у них так и не получилось. В общем, Адка до последнего времени была очень спокойна, размеренна, никуда никогда не торопилась, за внешностью своей следила, но так, как следит среднестатистическая женщина – утром крем, вечером ванна, раз в неделю маска, раз в месяц парикмахер. А тут... С месяц назад Адку стало не узнать. Она перекрасилась в ярко рыжий, сде-

лала умопомрачительную стрижку в дорогом салоне, записалась в солярий, стала посещать фитнес-клуб, похудела на восемь килограмм и стала постоянно куда-то срываться с места. То есть придет в гости, пять минут для приличия у нас посидит, чай попьёт, при этом поглядывая на часы, потом получит какую-то эсэмэску, метнётся к зеркалу, причёску поправит, макияж ещё одним слоем наложит и фр-р-р! Нет её. Глаза горят, что я ей говорю, ни черта не слышит. Ну, разве это не признаки появившегося любовника?! – Эльза требовательно уставилась на Виталия, желая от него получить подтверждение своим выводам. – Разве не признаки?!

– Не знаю, – Виталия пожал плечами. – Правильные бабы любовников не заводят.

Перова ухмыльнулась, потеребила сумочку – видимо, лежащие там сигареты сильно беспокоили её, – и продолжила рассказ.

– У Адки стали появляться вещи, совершенно не вписывающиеся в её скромный быт. Когда родители умерли, они с Андреем переехали со съёмной квартиры в коттедж и жили, пользуясь обстановкой и вещами родительского дома. Сами они особо никогда не шиковали, одевались скромно, ездили на «восьмёрке». А тут вдруг ... Например то вечернее платье, в котором её нашли, стоит не меньше тысячи долларов. Это мужу она может вешать лапшу про распродажи, а я в тряпках понимаю. И потом... кулончик у неё появился. Очень интересный золотой кулончик с рубином. Сразу видно, не ширпотреб, а единичная, ручная работа очень хорошего мастера. Я в украшениях тоже хорошо разбираюсь. Я когда у Адки спросила, откуда он у неё, она улыбнулась, прижала палец к губам и сказала:

– Не выдавай меня. Я Андрею сказала, что это хорошего качества бижутерия. Тебе я потом расскажу, откуда он у меня.

В общем, совершенно точно Адка завела любовника. Окончательно я убедилась в этом, когда один раз неожиданно к ней приехала.

– Вы видели его?

– Нет! В том-то и дело, что нет. Я видела отъезжающую от наших ворот машину. «Порше»! Таких навороченных тачек в коттеджном посёлке, где живут профессора и их семьи, не наблюдается. И не потому, что денег у них не хватает, а потому, что имидж у тачки ... как бы это сказать, ну, в общем, это машина плейбоев, а не учёных. Дело было поздно вечером, я заехала без звонка, хотела порыться в семейных альбомах, отобрать себе фотографию отца, чтобы сделать портрет. Адка открыла мне дверь наспех одетая. Халатик поверх пеньюара. Но при этом при полном параде – макияж, причёска. Я спросила: «У тебя были гости?» Она: «С чего ты взяла?» Я говорю: «Клёвенькая машинка только что отъехала от ворот!» Адка сделала удивлённое лицо. Нет, говорит, у меня никаких гостей, я уже спать собралась. Спать! С накрашенными ресницами! Андрей у неё частенько приходит под утро. Его агентство два раза в месяц выпускает рекламный журнал, Андрей главный редактор, перед выпуском там запарки, ночная вёрстка. В общем...

– Ну вот, а говорили, что между вами не было тайн.

– Так именно про это она и хотела мне рассказать на следующий день после своего вечернего звонка, но... погибла. Я уверена, её убили. Наверное, к этому причастен её любовник!

– И это он каким-то образом пробирается в ваш дом и зачем-то пытается убить и вас? Так?!

– Это вы мне должны сказать так ли это.

– Ага, за миллион баксов, – кивнул Виталия и записал на рецепте крупными буквами: «Любовник». – И зачем ему убивать сначала вашу сестру, а потом вас?

– Это вы мне должны сказать зачем. За миллион баксов. Повторяю, не думайте, что для меня это ерундовая сумма. Муж убьёт меня, когда узнает, сколько денег я отвалила, чтобы докопаться до истины. Давайте договоримся, я даю вам сейчас десять тысяч долла-

ров на текущие расходы. – Она раскрыла свою миниатюрную сумочку и как фокусник, который вытаскивает из спичечного коробка жирного кролика, выудила оттуда толстую пачку банкнот. – Остальное вы получите, когда назовёте мне имя убийцы и предоставите доказательства его вины. Вот здесь, – она протянула бумажку, – все необходимые вам телефоны и адреса. А это – фотография Ады. – Она протянула снимок почему-то тыльной стороной. – Со мной будете связываться вот по этому телефону, – она ткнула пальцем в бумажку. – Как позвонить вам?

– Мне?

– Да! Ваш мобильный?

У Гранкина отродясь не водилось мобильного.

– А-э-э... звоните вот по этому, – он постучал пальцем по аппарату, стоявшему на столе, назвал номер и очень кстати припомнил вдруг новое слово: – Переадресация! Звоните сюда и вы всегда на меня попадёте.

– Отлично. Ну, значит, по рукам? – Она протянула ему узкую руку, унизанную колечками.

Что он должен сделать с рукой? Пожать? Виталя снова почувствовал, что вспотел, а к щекам приливает краска.

– По рукам, – пробормотал он, убирая деньги во внутренний карман. Узкая ладошка укоризненно висела в воздухе. Виталя поймал её потной рукой и быстренько, вскользь, приложился к ней губами.

– Говорила же я, что вы милый, – улыбнулась Эльза, сама справилась с замком и выскользнула за дверь, оставив за собой едва уловимый запах хороших духов.

Странно, пока она здесь сидела, Виталя не чувствовал никакого аромата. Как только она исчезла, запах появился, напоминая своей сложной, стройной, красивой гаммой о больших, нереальных деньгах.

Виталя вытащил пачку денег из внутреннего кармана, поднёс её к носу и понюхал отрывисто, как собака, которая ищет след. Запах исходил от денег – сложный, стройный, красивый, если можно так сказать о запахе.

Кажется, именно так пахло то письмо, которое он сначала пожевал, а потом сжёг в своём подъезде под лестницей.

Кажется, именно так.

*– Четвёртые сутки пылают станицы,
Горит под ногами Донская земля,*

– донеслось из переплётного цеха чуть более весело, чем этого требовал текст.

* * *

Виталя сел за стол и пересчитал деньги. Десять тысяч долларов. Тютелька в тютельку. Как с куста, сказал бы Кирюха.

Это ж какие деньжища загребал тот тип, который сидел тут до него, если за одно только дело можно срубить миллион баксов?! Виталя вскочил и начал ходить по комнате, словно животное, которому необходимо подвигаться, но мешает ограниченное пространство.

С чего начать расследование? Он схватил бумажку с телефонами и адресами. Цифры, цифры, названия улиц, имена, фамилии тех, с кем можно поговорить. И пометки – подруга, муж, сосед, коллега...

С чего начать? Он будильник-то дома найти не может! Правда, никто за это не предлагал ему миллион долларов...

Виталья взял со стола фотографию и стал рассматривать. Дамочка, которая уставилась на него со снимка в упор, была рыжая, дерзкая, и совсем не похожа на ту, которая назвала себя Эльзой Львовной Перовой. Нет, черты лица, конечно, одни – высокий лоб, тонкий нос – не длиннее, не короче, чем надо, чтобы быть безусловной красавицей; подбородок – такой, который позволяет говорить об изяществе и породе; овал лица – Наталья Гончарова, не меньше; щеки, правда, чуть впалые, но это только придаёт лицу шарм и изысканность; глаза... Вот глаза были тем, что коренным образом делало Аду непохожей на сестру-близнеца. Глаза и причёска.

У Эльзы были весёлые, голубые глаза и копна белокурых кудрей. Ада смотрела на мир жёсткими тёмно-карими глазами и имела гладкую ярко-рыжую стрижку со странной, вызывающе ассиметричной чёлкой. Несколько прядей в этой чёлке были выкрашены в почти белый свет. Зачем городить на голове такой частокол из ассиметрии и цвета, Виталья не понимал. Вот Галка... Галка носила на затылке простой лаконичный хвостик, мыла волосы отваром крапивы и никогда их не красила...

Ада Львовна была не похожа на женщину, которая не имеет тайн. Она была похожа на женщину, которая не прочь бросить к своим ногам весь мир, и которая ради этого готова на всё. Ну, или почти на всё.

Гранкин вздохнул и отложил фотографию. Он, конечно, плохой физиономист, и психолог хреновый, но что-то ему говорит, что от таких дамочек, как эта Крылова, нужно держаться подальше.

С чего начать путь к миллиону?

Пожалуй, любое новое начинание нужно как-то обозвать для начала. Он теперь детектив и название «Тузик» на двери неуместно. Виталья встал и снял табличку с двери, благо, она просто болталась на верёвочке. Варианты названий зароились в голове как мухи, но все они никуда не годились. Наконец, мелькнула какая-то ассоциация и Виталья вывел чёрным маркером с обратной стороны таблички – «Орхидея». Отлично! Оригинально, красиво, неглупо. Креативно, как теперь принято говорить. Конечно, он не повесит сразу табличку этой стороной, будет скрывать пока свои детективные делишки под «Ветеринарной клиникой „Тузик“». Но... может быть потом, если всё получится, он возьмёт лицензию, получит разрешение на ношение оружия... Виталья чуть ниже названия нарисовал на табличке орхидею так, как он её себе представлял – с изогнутыми, как ручки кувшина, лепестками и длинным стеблем.

Что дальше?

Он взял телефонную трубку и набрал номер Кирилла. Тот ответил мгновенно, будто сидел у телефона и ждал звонка.

– Кирюха, здорово! Есть у тебя какой-нибудь детективчик?

– Что?! – не понял Кирюха.

– Ну, книжка такая, где кто-нибудь кого-нибудь убивает, а сыщик потом расследует!

Повисло молчание, из которого Виталья сделал вывод, что Кирюха очень беспокоится за его вменяемость.

– Кирюха, я это, не чокнулся. Просто вечером почитать нечего.

– Слышь, Гранкин, а деньги тебе уже не нужны? – тихо спросил Кирилл.

– Нет. Да. Ну, в общем, они у меня почти есть.

Опять повисло молчание, и Гранкин окончательно убедился, что проходит у друга с пометкой «псих».

– А любовный роман тебе не сгодится? – спросил осторожно Кирилл. – У Наташки их пруд пруди.

– Не, – вздохнул Гранкин. – Мне б детективчик на ночь. Для теоретической подготовки, – ляпнул он, но тут же заткнулся.

– А может, придёшь вечером? – предложил Кирюха. – Наташка с девчонками к подружке на дачу с ночёвкой уехала. Посидим, выпьем, а?!

– Не, Кирюха, – вздохнул Виталя, – я больше не пью. Кажется.

Эфир опять затопило молчание и Гранкин понял, что окончательно доказал свою невменяемость.

– Покедова, – сказал он Кирюхе и повесил трубку. Потом подумал и набрал Петровича.

– Петрович!

– Гранкин! Хорошо, что ты позвонил! Скажи, у тебя из кабинета ничего не пропало?

– Нет. А что? – удивился Виталя.

– Сандип из больницы звонил. Он припомнил, что грабитель, который ему оказывал помощь, забежал в здание типографии! Подумай сам, откуда у вора с собой жгут и бинты? Скорее всего, он у тебя их из кабинета похитил!

– Нет, Петрович, ничего такого я не заметил, – стараясь быть безмятежным, сказал Виталя. – Замок на двери цел, в кабинете вроде всё на своих местах. Знаешь, я думаю, раз он такой сознательный, этот грабитель, то мог и с собой перевязочный материал таскать.

– Да? – неуверенно спросил Петрович. – Странно всё это... А ты зачем мне звонишь?

– Петрович, у тебя есть детективчик? Вечерком хочу почитать.

– Детективчик? – хохотнул Петрович. – Вечерком почитать? У тебя ж жена родила! Насколько я знаю, при этом деле первые полгода не до детективчиков! В первые полгода вообще не до чего!

Сердце у Виталя заныло, засадило, застучало с перебоями где-то в горле.

– У меня Сашка спокойная, как танк, – сказал он. – Хошь – детективчик вечером читай, хошь – дамский роман.

– Ладно, есть у меня детективчик, – оживился Петрович. – Местный автор, сам себя издаёт за свои же бабки. Тираж только у меня печатает, я ему скидки хорошие даю. Наши бабы читали, говорят, забавно. Заходи, подарю книжечку.

* * *

Виталя брёл по вечернему городу. Под мышкой он держал детектив, а внутренний карман его пиджака оттягивали десять тысяч долларов. Вечерний город жил в обычном ритме вечернего города: светофоры мигали, пешеходы спешили, водители зло переругивались через полуоткрытые окна машин – нет на свете более раздражённых людей, чем водители, застрявшие в пробках.

Гранкин не поехал домой на автобусе, он решил, что прогулка позволит проветрить мозги и ещё раз всё обдумать, как следует.

У входа в метро сидела древняя бабка и торговала вязаными носками и рукавицами. Товар был несезонный, июль и так измотал жарой, и народ спешил мимо старушки, не обращая внимания на тёплый, пушистый товар. Старушка дремала на перевёрнутом ящике, время от времени её голова заваливалась набок. Тогда она вздрагивала, открывала выпцветшие глаза и неуверенно обращалась к прохожим:

– Граждане, купите носочки и рукавички! Очухаться не успеете, как холод скуёт морозом ваши ручки и ножки!

Потом она снова засыпала, голова падала набок, бабушка вздрагивала, открывала глаза и вновь начинала:

– Граждане, купите носочки и рукавички! Очухаться не успеете...

Виталю зацепили слова «холод скуёт морозом ваши ручки и ножки». Он вспомнил про «сырое подвальное помещение» и остановился у ящика, на котором были разложены шерстяные носки. Бабка мгновенно проснулась и уставилась на Виталя.

– Тебе деньги мелочью разменять? – спросила она.

– Мне носок пару... которые потеплее.

Он рассчитался с бабкой, не верящей в своё счастье.

– А маленькие совсем есть, на младенца? – спросил Виталья.

– Так не сезон же! – всплеснула руками бабка. – Я просто так стою, на удачу. Укроп весь распродала, а носки вот остались, мало ли... У меня ещё монеты есть семьдесят первого года! Не надо?

– Монеты не надо.

– А самовар старый, вернее, почти новый, электрический?! А? Сейчас модно!

– Самовар у меня есть, – буркнул Виталья, поспешив нырнуть в подземный переход.

– А палатка туристическая, матрас надувной, подсвечник из фашистской Германии, набор открыток советских, картина в раме крестиком вышитая, «Гроза» называется, а?! Не надо? А крыжовника ведро?! – донеслось до него.

– Чего, говоришь, у тебя там крестиком вышито?

Виталья оглянулся, около бабки притормозил тонированный джип, и бабка бросилась к нему, что-то горячо объясняя, размахивая руками, видимо, изображая «Грозу».

Гранкин сунул носки к деньгам во внутренний карман. Пиджак сильно раздулся с левой стороны, но Витале было плевать. Его грели пуховые носки, его грели доллары. Он почему-то нисколько не сомневался, что миллион будет его. Только бы Сандип подольше провалялся в больнице, а то чёрт его знает, что он ещё припомнит.

У подъезда ему повстречался «барин». Он выходил и, заметив Виталю, даже попытался придержать дверь, чтоб та не захлопнулась перед носом у Гранкина. Но, видно, «барин» совсем не имел привычки к услужливым жестам – дверь вырвалась у него из рук и громко хлопнула. Сосед вскользь глянул на Гранкина и так же вскользь, незаметно кивнул. Виталья тоже кивнул, чуть сильнее, чем хотел – получился полупоклон. За этот полупоклон Гранкин себя обругал. Правда, положение спасло то, что «барин» уже отвернулся и вполне возможно, унижительно пригнутого торса не видел.

Больше не буду здороваться, вдруг решил про себя Гранкин. Вот заработаю миллион, и он первый протянет мне руку. И дверь придержит. И на чай позовёт. И жене представит. И собаку доверит лечить. И...

Дома он сочинил записку.

«Господа, – написал он, – к этой записке я прилагаю пять тысяч долларов. Это залог того, что через десять дней я обязуюсь внести за свою жену и ребёнка всю оставшуюся сумму. Ещё я к этой записке прилагаю тёплые пуховые носки, которые прошу, умоляю передать Галке. Недавно родившей женщине нельзя застужаться! Умоляю, кормите её получше! За триста пятьдесят тысяч долларов я хочу получить здоровую жену и здорового ребёнка».

Виталья отсчитал доллары, положил их с носками в полиэтиленовый пакет, туда же засунул письмо в конверте и, дождавшись одиннадцати тридцати, поехал в старый городской парк.

Он безошибочно нашёл странное дерево, нащупал узкое, тёплое нутро дупла, и опустил туда пакет. Отдышавшись, он постоял немного, прислушиваясь. Город негромко жил где-то в стороне своей полуночной жизнью, и не было в этой жизни места дикой истории с похищением мадонны с младенцем...

Арест

Детективчик оказался дрянной. Примечательной была лишь фамилия автора – Кубышкин, остальное же, даже название – «Подарок от мертвеца» – никуда не годилось. В нём было много крови, много мата, совсем никакой логики, и абсолютное отсутствие здравого смысла и чувства реальности. Такие детективчики и впрямь издавать можно только за свой счёт.

В три часа ночи Виталя отложил книжку, не дочитав последние двадцать страниц.

Теоретической подготовки не получилось. Зато Виталя сделал вывод, что расследование можно проводить в абсолютно произвольном порядке и любой последовательности, так же, как и жанр детектива возможно трактовать совершенно вольно.

Гранкин положил «Подарок от мертвеца» на «Болезни собак», встал, натянул джинсы, свитер, и куртку-джинсовку. В голове его созрел план. Часы на кухне показывали три часа ночи, но для задуманного, это было самое подходящее время. Более того, Виталя вдруг понял, что необходимо начинать действовать прямо сейчас, не дожидаясь утра. Мысль о том, что его снова разбудит неизвестно кем заведённый будильник, была просто невыносима.

* * *

Нужный коттедж он нашёл легко. На нём висела табличка с номером и названием улицы и, что самое удивительное, эта табличка была подсвечена сверху лампочкой. Наверное, учёные были очень аккуратные люди, раз лампочку эту до сих пор никто не разбил.

Коттеджи находились в черте города, и это был не коттеджный посёлок «для крутых». Это был «городок учёных», где не было ни кованых решёток, ни автоматических ворот, ни охраны – только милая сердцу простота и душевность бабушкиного «домика в деревне».

Виталя заглянул поверх невысокой калитки. Дом, который был ему нужен, спал – окна темны, тишина стояла такая, что было слышно, как листва шевелится от лёгкого ветерка. Светила полная, яркая луна, она давала возможность рассмотреть всё в подробностях. То, что задумал сделать Виталя, он назвал про себя «осмотр места происшествия». Набрав в грудь побольше воздуха, Гранкин смело перемахнул через калитку.

Он безошибочно определил половину дома, принадлежавшую Аде Львовне Крыловой. Клумба, которая красовалась перед балконом, была в середине некрасиво, нелепо, страшно примята. Вон тот балкончик, с которого она упала – там до сих пор стоит плетёное кресло и столик. Балконная дверь, правда, наглухо закрыта, а окна скрывают лёгкие занавески. Виталя, прокравшись к крыльцу, попытался заглянуть в окно первого этажа, но обнаружил там плотные жалюзи. Если муж Ады Львовны и дома, то он крепко спит. А может, бессмысленно, тяжело ворочается, переживая случившееся. Гранкин вспомнил про Галку, но тут же приказал себе не думать об этом. Он делает всё, что может, а вернее, даже то, чего не может, чтобы спасти её.

Он спустился с крыльца и, вернувшись под балкон, задрал голову. Высота до земли действительно была такая, что разбиться насмерть было практически невозможно. Нужно было очень постараться, чтобы свернуть себе шею, или нужно... чтобы сзади кто-то неожиданно и сильно толкнул.

Виталя глянул на клумбу, на примятые цветы, и опять подумал про Галку, про сырой подвал, про плохое питание, про Сашку, которая слабенькая, маленькая, и всё-таки нежная девочка, а не крепкий пацан...

Он достал из джинсовки фонарик и, встав на четвереньки, пополз по влажным цветам, подсвечивая себе жёлтым рассеянным светом. Что он искал, он понятия не имел, но

слово «осмотр» имело недвусмысленное значение, и Виталя решил его добросовестно осуществить.

Цветы одуряюще пахли. Так одуряюще пахнут они почему-то именно ночью и именно при полной луне. У Гранкина засвербило в носу и он сделал большое усилие, чтобы не чихнуть со всей дури. Тут ещё были какие-то зелёные «коробочки» на длинных стеблях, Виталя так и не вспомнил как они называются. Вот Галка бы точно сказала, что это за «коробочки».

Земля была рыхлая, тёплая, влажная. Но, увы, кроме сломанных цветов она не хранила никакой информации. Конечно, до Виталя тут поработали милицейские парни, но Гранкин всё же надеялся, что что-нибудь да заметит свежим взглядом. Новичкам, говорят, везёт. Дилетант может увидеть то, на что не обратит внимания профессионал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.